

АРТЕМ ЧЕПКАСОВ

ПРИНЦИП
БУМЕРАНГА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Арте́м Че́пкасов

Принцип бумеранга

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Чепкасов А. Л.

Принцип бумеранга / А. Л. Чепкасов — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Школьные друзья, Олег и Виктор – идеалист и прагматик. Повзрослев, они разошлись в разные стороны из-за пустячной ссоры. Однако злой рок всё же столкнул мужчин лоб в лоб, и пропасть между ними стала вовсе непреодолимой. Об этом герои позабыли и продолжили жить своей жизнью, пока, через много лет, их ошибка не обернулась смертями невинных. «Принцип бумеранга» – это не классический детектив, но остросюжетная проза, в которой до последних строчек для читателя тайна, как поведут себя герои, к чему готовы в достижении своих целей, способны ли понять и принять свои ошибки. Содержит нецензурную брань.

© Чепкасов А. Л., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

ПРОЛОГ «Справедливость»	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. «ЗИМА ПРИХОДИТ ЛЕТОМ»	15
Глава 1. «Дежурный опер»	15
Глава 2. «Группа задержания»	26
Глава 3. «Временно исполняющий обязанности»	36
Конец ознакомительного фрагмента.	44

*Автор утверждает,
любые совпадения с реальными людьми
и событиями – случайность.*

ПРОЛОГ «Справедливость»

– Встать! Суд идёт! – оповестила секретарь в белом, как сама правда, ситцевом сарафане до сандалий. Звонкий девичий голос, желая вырваться на свободу из тесного помещения, беспомощно ткнулся в каждый угол, отразился и зашептал в уши: «Суд идет! Суд идет! Суд»...

Впрочем, это было понятно и без слов. Его ждали. С великим нетерпением. Наконец, в многомесячном споре будут расставлены все точки над «i». И хоть никто из присутствующих не сомневался в обвинительном приговоре, в глазах, замерших во внимании, теплилась надежда на условный срок, – не бандитов же матерых судят. А, ну, как и вовсе оправдают. А что? Есть же справедливость на свете. Точно есть. Десятилетиями проверено. Вот она, к трибуне выходит. Вернее, он. В мантии. Рост средний, прическа а-ля дедушка Ленин, бородки только нет. Зато усики, как у голливудских артистов, играющих гангстеров. Холеный, будто и тридцати ему нет, но известно, давно шестой десяток пошёл. А с другого боку, как ещё должен выглядеть заслуженный юрист России? Только так. Уверенно и непоколебимо. В этой стране нет никого главнее судьи, если не говорить о Боге. Да, в том-то и беда вся, что о Всевышнем не часто вспоминают. Про суды земные больше знают и врут.

Народу в маленьком зале с двумя окнами набилось более чем, но поднялись все бесшумно. Финал истории, потрясшей город. За всю скучную, коли душой не кривить, историю Григорьевска, ни разу не было, чтоб судили тех, кто Закону служить должен. И вот, свершилось. А почему нет? Чем забытый райцентр, затерявшийся меж двух исполинов – Новосибирском и Екатеринбургом, хуже столичных городов? Дома пониже да дороги поуже. В остальном всё одинаково. И стражи порядка на скамье подсудимых в том числе. С недавних пор это стало модным, а потому присутствовали даже вездесущие, надоедливые репортёры местного телеканала. С видеокамерой. Всё, как у прогрессивных людей. Журналисты готовы были всему Миру показать, в России давно ша беспределу мусорскому. Тоталитарный совок с кровожадными вампирами из НКВД канул в лету, и кто чего хочет, тот того и делает. И необходимо было напомнить людям, что в стране уже десять лет хозяйничает демократия, а то вдруг они ещё не поняли своего счастья.

Олег Рассказов посмотрел на подсудимых, улыбавшихся за железными прутьями решётки. Уверенный взгляд парней напоминал притихшее полуденное море, в коем плескались маленькие волны неуёмного счастья. С минуты на минуту весь этот бред, пафосно нареченный громким уголовным делом, должен был закончиться долгожданными словами: «Из-под стражи освободить». Года три условно. Ерунда. Жизнь-то продолжается. Потому и конвойные, лично знакомые с арестованными, не особо напрягались. А истинных виновников цирка под названием суд, что молва людская в первый же день окрестила показательной поркой, всё одно, Бог накажет. Придёт их час. Принцип бумеранга никто не отменял.

– Приговор именем Российской Федерации! Город Григорьевск, десятое августа две тысячи первого года, – басом, словно артист со сцены, напомнил судья присутствующим где, когда и для чего они собрались.

Назвав фамилии да имена основных участников уголовного процесса, и без того известных в маленьком городке, судья прокашлялся и принялся читать:

– Органами предварительного следствия граждане Тропарев Александр Викторович и Семенов Максим Анатольевич обвиняются в совершении преступления, предусмотренного пунктами, а, б части третьей статьи двести восемьдесят шестой уголовного кодекса Российской Федерации, а именно, в превышении должностных полномочий с применением насилия и спецсредств. Из обвинительного заключения следует. Девятого апреля две тысячи первого года около нуля часов пяти минут...

Стоявший во втором ряду Рассказов знал, о чём гласил процессуальный документ, в шутку называемым милиционерами обманом. Несомненным было, что и судья, пока знакомился с материалами уголовного дела, выучил его наизусть и, громко читая без запинки, в сухие канцелярские строчки заглядывал исключительно для порядка.

Вся эта катавасия, как командир роты называл любую мало-мальски хлопотную ситуацию, случилась в промозглую ночь, когда Олег уже больше месяца стажировался по должности милиционера отдельной роты патрульно-постовой службы. К тому времени парень притёрся к холодному стационарному посту милиции на одной из окраинных улочек и необъятному количеству бумаг, требовавших обязательного заполнения за время несения службы на маршруте. Расстегнув зимнюю куртку да сдвинув на затылок норковую шапку, подаренную матерью по случаю его дембеля, стажер дописывал очередной за смену протокол об административном правонарушении. Не по правилам, – алкоголик, на которого составлялся документ за распитие спиртного там, где нельзя, давно ушел нарушать общественный порядок дальше, оставив автографы на пустом еще бланке. Однако делать из выпивохи террориста или маньяка никто не собирался, а потому Рассказов без угрызений совести писал, писал и писал. Эта процедура называлась кратко и ёмко – план, за выполнение которого ни лычек, ни премий не полагалось, как бы страстно ни желали того граждане. А вот за невыполнение нерадивых сотрудников милиции ждало лишение надбавки к зарплате за сложность – напряженность да выходных дней. И, усердствуя, Олег досадовал разве что безразличию наставников, сержантов милиции Тропарева и Семенова. Те помогать стажеру не спешили и сидели, курили да ржали над похабными шутками. Но Рассказов, молча, продолжал писать. Его делом было – учиться.

Стажёр от опытного мента тем и отличается, что долго не может привыкнуть к внезапности очередного непотребства, и когда оно случается, сердце колотится часто, а в голове сумбур. Что? Кто? Куда? Зачем? Почему? Откуда? Когда?

Вот и мужик тот, с всклокоченным волосом да окровавленным лицом, в расстегнутой дубленке и выползшей из полуботинка брючиной, ввалился в пост неожиданно, чуть не запнувшись о порог, и дико заверещал:

– Убивают!

Рассказов, было бы, куда падать с невысокого железного табурета за небольшим металлическим столиком, обязательно свалился бы. Тропарев и Семенов даже не перестали улыбаться последней шутке.

– Кого и где? – спокойно спросил старший наряда.

– Вашего! Мусо... аай... мента! – ошаршил избитый. – Тама, во дворе! Сперва до меня привязались, закурить им... А, у меня нету, так они свалили меня, и пинать, а тут раз... Он! За меня вступился, и они все к нему, по лицу ему... Он упал... Я сюда... Бегом ...

Последние слова мужик произнес тихо и, окончательно выбившись из сил, устало опустился на узкую железную лавочку для посетителей.

Плюсы срочной службы в российской армии может по достоинству оценить лишь тот, кто недавно оттуда вернулся и не ещё осознал ещё, кончились муштра, уставщина и дедовщина, наряды и караулы, полевые выходы. Рассказов был одним из таких ребят, а потому бежал легко, пытаясь вспомнить, закрыл ли на ключ пост, когда наставники бесцеремонно выпроводили оттуда мужика.

Семенов нёсся впереди. Он легче, стройнее, мускулистее. Грузный Тропарев от напарника отставал, но, тяжело дыша, темп не сбавлял. Олег старался не обогнать Саню. Не по чину было. Да, и бежать было недалеко. И про ключ стажёр забыл уже в следующий миг, – несколько парней со всей дури били ногами кого-то, казалось, уже бездыханно валявшегося в сугробе.

– Прекратить! Милиция! – строго крикнул Семенов и, вынув из держателя на портупее палку резиновую, первым ринулся к компании.

– Вызывай подмогу! – прерывисто приказал Тропарев, передавая Рассказову тяжелую квадратную радиостанцию. – Сам не лезь... Отвечай потом за тебя...

– Центр! Центр! Я триста третий! – взволнованно забубнил Олег в рацию, не переставая смотреть, как два милиционера дерутся с несколькими парнями одновременно. – Центр!

– Чего блажишь? – послышалось из рации, с режущим слух треском. – Стажёр, ты?

– Я... Драка... Большая... Народу куча...

– Где? Говори толком...

– Амурская! – боясь, что может неправильно назвать номер дома, Олег беспокойно вертел головой по сторонам, пытаясь во тьме разглядеть таблички с цифрами. – Семь! Во дворе! У детской площадки!

– Жди.

В следующую секунду из динамика уже хрипело:

– Внимание нарядам и экипажам, находящимся на маршрутах! Срочно прибыть во двор дома семь по Амурской! Требуется помощь триста третьему! Всем нарядам...

Повторив команду, «Виола-Н» протрещала:

– Кто принял? Позывные!

Перекинув ремешок рации через плечо, да позабыв про запрет наставника, Олег тараном влетел в гущу толкающихся, харкающих матами, озлобленно рычащих людей. Схватил кого-то за шиворот куртки, потащил от Семенова на себя, увернулся от одного удара кулаком в лицо и тут же поймал следующий. В голове загудело, челюсть заныла. Упали, стали барахтаться в снегу. Как Рассказов сумел оказаться сверху, он и сам не понял. Придавив коленом грудь поверженного противника, стал лупить по неразличимому в темноте лицу, что было силы. Теперь оттаскивали его, и он, не видя кричащего, слышал над макушкой голос, казавшийся ему далёким:

– Отставить! Стажер, отставить! Брось его! С ума сошел?!

Олег встал, обернулся, увидел стоящих перед ним бойцов экипажа вневедомственной охраны. А рядом с ними инспектора ДПС с ошарашенным взглядом.

– Спятил? Ты ж его чуть не замочил, – озадаченно пробубнил Тропарев, показывая взглядом на парня, стоявшего на карачках и кровью сплевывавшего в истоптанный снег. – Чё творишь? Думать надо! У тебя задача, задержать, а не убить...

Олег не ответил. Внутренняя дрожь в юношеском теле не желала униматься. Медленно оглядев заснеженное поле брани, он убедился, что все кончилось. Слишком быстро. И понять не успел, что это было, а только милиционеров в неприветливом дворе присутствовало уже больше, чем тех, с кем сцепился их наряд. И почти в каждом окне, тёмном всего несколько минут назад, зажётся свет. Жильцы с интересом наблюдали, что происходит в их дворе, чего мусора понаехали.

– Вы ещё не знаете, кто я! У меня отец! – не унимался один из задержанных, насильно посаженный на заднее сидение уазика. – Твари вы!

Глаза его с наливавшимися под ними синяками, пылали ненавистью. Из разбитого носа сочилась кровь.

– Я несовершеннолетний! Животные! Мне, вааще, шеснацать! Поняли?! Вам кранты, уроды!

И повторил по слогам, перемежая матом:

– Вам кранты! Я – малолетка!

«А с виду и не скажешь. Здоровенький телок уродился, на двадцать с гаком потянет», – безразлично подумал Олег, но, кроме него, внимания на беснующегося подростка больше никто не обращал. Каждый из присутствующих за годы службы привык к таким деткам, и только в жизни стажёра подобное происходило впервые. Тропарев, с оторванным наполовину

капюшоном на бушлате, легонько тормозил за плечо лежавшего в сугробе милиционера, однако тот не реагировал.

– Оставь, хуже сделаешь, – нервно прикуривая, сказал Семенов и спросил. – Скорую вызвали?

– Ага, – кивнул гаишник. – Едут уже...

– Это Жучков что ли? Околоточный с привокзального? – спросил боец экипажа вневедомки, глядя на лежащего. – Околоточный с привокзального?

– Точно, Андрюха, – командир бойца, лейтенант милиции Андронов, по соседству с которым жил Олег, взял валявшуюся в стороне форменную шапку и попробовал надеть её на осторожно приподнятую им окровавленную голову избитого участкового. – Бухой, кажись. Или от уродов этих запах остался?

– Не трогай, говорю, – раздраженно повторил Семенов. – Откуда он тут взялся в это время? Не его земля...

Ответа никто не знал.

Машина скорой помощи въехала во двор бесшумно, празднично мигая проблесковыми маячками...

– Дискотека прямо, мля, – сплюнул Семенов окровавленной слюной. От чьего-то удара губа его треснула и распухла.

Грубый тычок в плечо вернул Рассказова из воспоминаний в реальность

– Не пихайся? – недовольно посмотрел стажёр на соседа, Колю Ястребова, но тот лишь указал взглядом на судью. В изумлённом взоре сверкало возмущение: «Смотри, куда клонит зараза».

Старый судья продолжал монотонно читать:

– Установочных данных мужчины милиционеры не зафиксировали, в связи с чем до настоящего времени найти его и допросить по обстоятельствам дела не представилось возможным. Учитывая показания участкового уполномоченного Жучкова Андрея Васильевича, о том, что ни за кого он не заступался, его никто не бил, упал он сам, поскользнувшись, суд приходит к выводу, что Семенов и Тропарев лгут, и неизвестного мужчину выдумали для построения линии защиты в суде. Вину подсудимые отрицают и настаивают на своих показаниях...

Под потолком с обычными плафонами, будто это был класс школы, а не место, где решаются судьбы человеческие, загудело напряжение такой силы, что ещё немного и у всех полопались бы барабанные перепонки, а глаза выскочили из орбит. Стало совершенно ясно, – никакой справедливости нет. И никогда не было. Всё это никчёмные выдумки человечества.

– Признать Тропарева Александра Викторовича, восьмого июня тысяча девятьсот семьдесят шестого года рождения, уроженца Григорьевска, русского, гражданина Российской Федерации, виновным в совершении преступления, предусмотренного пунктами, а, б части третьей статьи двести восемьдесят шестой уголовного кодекса Российской Федерации и назначить ему наказание в виде шести лет и четырех месяцев лишения свободы с отбыванием в колонии общего режима...

– Женщине плохо! – заверещал кто-то испуганно. – Врача! Быстрее!

– Лен! Лена! Лена что с тобой?! Лена! Леночка! – Сашка, заметно исхудавший за время пребывания в следственном изоляторе, беспокойно метался по клетке.

Его друг и напарник, Макс Семенов недоуменно смотрел на происходящее вокруг так, будто отказывался верить, что это не шутка. Конвойные напряглись, вытянулись в струнку, лица их посуровели. В одно мгновение они вдруг оказались по разные стороны баррикад с теми, кого привыкли считать своими, и, если что, они были обязаны стрелять в Сашку с Максом.

– Тишина в зале! – громогласно потребовал судья, но замечание осталось без внимания.

– Беременная она! Выкидыш может быть!

- Да, вызовите же скорую!
- Вызвали!
- Лена! Лен, я люблю тебя! – продолжал беспомощно кричать Сашка. – Лен...
- Какой идиот додумался беременную на суд притащить?!
- Мужа её судят! Как же ей?!
- Лена, держись! Всё будет хорошо! Я вернусь, родная! Слышишь?!

Но никто не слушал бывшего милиционера, столь неожиданно объявленного отъявленным преступником. Растерявшись, Олег сел на деревянный скрипучий стул и уставился под ноги. Гвалт превратился в сплошную какофонию, и уже ничего нельзя было разобрать. Кто беременный? Кого и за что судят? А он сам? Он-то что здесь делает? Кто все эти люди? А он? Он – кто? И зачем? Какое его предназначение во всём этом? Живёт для чего? Двадцатилетний стажёр впервые задумался над тем, что люди в давние времена прозвали смыслом, но, взглянув на лицо зверски избитого Сашкой и Максом подростка, сразу обо всём позабыл. Абсолютное равнодушие к происходящему на морде лживого ублюдка и величайшее торжество в глазах его матери, заставляли немедленно подняться и, отшвыривая со своего пути стулья да расталкивая столпившихся людей, подойти к сволочам, и одной плюнуть в рожу, а другому добавить синяков. Да с такой силой, чтобы башка его оторвалась раз и навсегда. И судили бы Рассказова вместе с наставниками. И по справедливости, – ребенка убил. Не обидно было бы. Но Олег ничего не сделал.

Жену Тропарева увезли в больницу, и вместе с ней зал покинуло несколько человек. Стало просторнее. Напряжение исчезло без следа. Накрыла пустота. Саша сидел на скамье подсудимых, спрятав лицо в ладони и по вздрагивающим его плечам было понятно, – рыдает. Приговор Семенову дослушали в полной тишине. Он, небольшого роста и тоже осунувшийся, стоял, до крови закусив губу, и неотступно смотрел на Жучкова. Олег знал такой взгляд. Так снайпер смотрит на давно ожидаемую цель. Только в этот раз выстрела не случилось бы – патроны кончились. Рассказов усмехнулся. Два года назад у него патроны были, но он специально промахнулся. А, может, надо было попасть? И чтобы это дало? Нельзя изменить прошлое чьей-то смертью. Да, и ничем другим тоже. Чувствуя на себе взгляд Максима, участковый, бывший потерпевшим и, по какой-то нелепости ставший свидетелем обвинения своих же товарищей, ёрзал на стуле. Из-за травм ему одному разрешили не вставать. Человек недавно с больничной койки поднялся и ходил ещё с бодожком. Надо было бы пожалеть. Да не получалось, как Рассказов ни старался.

– Приговор может быть обжалован в кассационном порядке в областной суд, в течение десяти суток со дня провозглашения, с соблюдением...

Однако последние слова приговора никому не были интересны, – никто ничего обжаловать не собирался. Вера в правду была убита, а вместе с ней сломлена и воля. Последнее, на что Олег Рассказов обратил внимание, выходя из зала – сарафан секретаря. Не таким уж и белым он был. Просто светло-серым.

Неказистое двухэтажное здание покинули в полной тишине. Можно было дышать полной грудью, и не было больше душного помещения, где безраздельно властвует несправедливость. Закурили. Жить дальше заставлял легкий ветерок уходящего короткого лета. В общем-то, не случилось ничего особенного. От сумы да тюрьмы не зарекаются.

- Олег, – удивился, неведь откуда взявшийся, Хворостов.
- Витёк, – не меньше изумился Рассказов однокласснику. – Ты как тут?
- На практике, в прокуратуре здешней. На суд опоздал, наставник всю плешь проест теперь.

Олег выбросил окурок в урну у крыльца и крепко пожал руку друга.

- На суде был? – спросил Виктор. – Чего там? Осудили мусоров? Надолго?
- Почти по семь лет каждому, – ответил Рассказов сконфуженно.

– Поделом. Не будут детей бить. Моего так отдубасили, так я бы без суда и следствия...

– У тебя есть ребёнок? – удивленно посмотрел Олег на Хворостова.

– Да, не, – отмахнулся Виктор, улыбнувшись. – Это я образно. Универ надо закончить, погулять. А ты сам как? Рассказывай. Слышал, дембельнулся раньше срока?

– Да, – подтвердил Олег. – По приказу министра обороны, день за два.

– Орден, говорили, заработал.

– Медаль. За отвагу. И не заработал, а заслужил, – поправил Рассказов, взглянув на бодро проходящего мимо потерпевшего. На лице подростка играла самодовольная ухмылка. Он победил и не скрывал презрения к поверженным:

– Чё зыришь, мусор? Я говорил, кранты вам...

– Ах, ты... – договорить Олег не успел.

Мама парня, которую в маленьком городе неуважительно, но исключительно за глаза, обзывали купчихой первой гильдии, открыла перед детёнышем дверцу новенького слепящего белизной красавца – мерседеса:

– Руся, сядь в машину. Хватит с меня судебных тяжб.

Убедившись, что команда выполнена, женщина с чувством собственного превосходства посмотрела на Рассказова:

– Никогда не подходи к моему сыну. И своим баранам постовым передай, не надо моськам твякать на слонов. Затопчем и фамилий не спросим. Этот город наш. Мы здесь хозяйева. Усвоил, мальчик?

Уверенный взгляд её был жёстким, колющим в самое сердце, но голос мягким, убаюкивающим и даже добрым. Совсем не таким, как четыре месяца назад, в дежурной части, когда, увидев своего ребенка избитым и лежащим на грязном полу камеры, она испуганно завывала, будто сирена, а её муж умолял, ничего не оформлять. Олег хорошо запомнил, парню в Лондон поступать, и нужна была чистая биография. Пожалели, отпустили с миром, даже умыться помогли и какие-то примочки на избитое лицо сделали. Жить будет, синяки через месяц сойдут. «Кого ни разу не били, тот жизни не знает», – напутствовал Семенов подростка, прощаясь с ним и, по-мужски, пожимая ему и его отцу руки. А родитель подростка соглашался и божился, о случившемся ни одна живая душа не узнает. Дрожащим голосом мужчина убеждал милиционеров, мол, понимает, наследник сам виноват. Перепило дитятко по случаю шестнадцатилетия. С кем не бывает, кто не был юн да горяч. Обещаний он не сдержал.

– Ты хорошо понял? – строго повторила госпожа вопрос.

Олег хотел возразить, но женщина не позволила:

– И благодари Бога, что я не посадила тебя вместе с этими уродами. Маму твою жалко. Да, и сам молоденький еще, не ломать же тебе жизнь...

Нужные слова, такие справедливые и правильные, которые он знал всю свою ещё короткую жизнь предательски встали комом в горле. Олег молчал, как нашкодивший щенок, и не отводил взгляда от красивого женского лица. Женщина умела за собой ухаживать, и угадать её возраст было непростой задачей. Статус купчихи первой гильдии обязывал.

– И ещё, запомни нашу фамилию. Добреевы. Запомнил? Скажи, хорошая. Добрые мы люди, добро несем, весь город имеет работу и доход, благодаря мне. Надумашь, уходить из этой помойки, найди меня, я тебя пристрою, не пожалеешь. Твоя фамилия, Рассказов, кажется. Сын телефонистки из расформированного ракетного полка на окраине города. Славная женщина. Мается одна всю жизнь на нескольких работах сразу. Тебя сначала вырастить надо было, а теперь помочь жизнь взрослою начать. Так ты помни мою доброту, мальчик. Одумашься ещё, может, и начнешь жить, как человек, а не слуга...

Добреева добродушно улыбнулась, покровительственно потрепала Рассказова за давно нестриженный вихор, и из того, как грациозно она села за руль, было понятно, – ей абсолютно неважным было, что собеседник скажет в ответ, да и будет ли отвечать. Она была главнее всех.

Выше самого Бога, которого нечестный её муженек неустанно поминал в ту суматошную ночь в райотделе.

«Слуга слуге рознь, и лучше служить всему народу, оберегая его покой, чем одному буржую, набивая его карманы деньгами, отнятыми у простых людей», – так считал, дед Олега, – советский офицер, и Рассказов мог бы сказать об этом купчихе первой гильдии, но поздно вспомнил. Через секунду о богине уже ничего не напоминало, кроме дивных звуков скрипки Ванессы Мэй, тихо игравшей в салоне исчезнувшего за поворотом топового седана.

– Постой, Олег, – Хворостов, проводив Добреевых почтительным взглядом, недоуменно посмотрел на одноклассника. – Ты что? Ты из этих? Ты в ментовку подался?

– Ну, да, – ответил Рассказов. – А что?

– И даже не в отдел по экономическим, – уточнил Виктор, усмехнувшись. – Или в гаи на крайняк... В пэпээс...

– Не могу понять, над чем ёрничаешь. Да, я в роте патрульно-постовой службы. Стажируюсь пока...

– Ты совсем того? – возмущённо перебил друг. – Ты реально не понимаешь? Это же почти низшая милицейская каста. Ты бы ещё в трезвяк влез, с обосанными, обрыганными алкашами разбираться...

– Да, ну, тебя, мелешь ерунду всякую, – отмахнулся Олег, сочтя слова одноклассника за неудавшуюся шутку. – А тебе что, Анна не говорила?

Виктор отвёл взгляд, и Олег понял, что школьный друг хочет, но не может сказать. Однако, обернувшись на внезапные крики за спиной, переспросить не успел.

– Что, проститутка?! Взят?! Сколько?! – кричал низкорослый и обычно невозмутимый Степан Краснов, схватив Жучкова обеими руками за шиворот рубахи и резко дернув на себя. – Сколько эти твари тебе сунули?!

– За базаром следи! – участковый ударил Краснова по руке и, едва устояв на больных ещё ногах, потребовал. – Пусти!

– Стёп, брось! Ну, его к чёрту! – Краснова оттащили другие милиционеры роты. – Не надо о дерьмо мараться.

– А мы и без того замаранные, и одним больше, одним меньше, ничего уже не поменяет, – не согласился Степан и вновь подошёл к Жучкову вплотную.

– Да, да, взял, – прошипел участковый, отворачивая лицо от неотступного, прожигающего насквозь взгляда. – Что? Долго ещё на копейки подьедаться? Ты не берешь? По карманам у подвыпивших мужичков не тыришь? Честный весь такой, да? Дядя Стёпа – милиционер...

– Беру! Беру, падла! – Краснов опять схватил Жучкова за воротник и, будто задыхаясь, проорал. – Но я своих никогда не сдавал! Те, у кого беру, меня не знают, я их тоже видел первый и последний раз! Они всё равно бабки свои пропили бы, и копейки до дому не донесли бы! А так никому не плохо! Все живы, здоровы! Никто не в тюрьме, не в могиле, не в больничке! Понял, ты, мразь?!

– Уймись, идиот! – ответил участковый. – А то наорешь сейчас на срок себе, а меня обвинишь. Люди слышат.

– В самом деле, Степан, успокойся...

– Харе, братан...

Краснова вновь оттащили от участкового.

– Пацаны, а в чём я не прав? – искренне недоумевая, спросил Жучков, глядя на постовых. – Я что, украл? Нет. Меня государство это дырявое вылечит теперь? Тоже нет. Нервы только истреплют, шёл пьяный не на своем участке и во внеслужбное время. И вы лучше меня знаете, что так и будет. Я своё взял. За свою боль, за смелость, что не прошел мимо, отвернув морду в сторону, когда человека избивали. Мне теперь этого бабла на реабилитацию хватит и ещё останется. Дочку хоть в институт соберу...

– Дочку?! – ухмыльнулся Валерка Самсонов. – А у Тропарева не знаешь, кто родиться должен? Дочка или сын? А то и, правда, выкидыш у его бабы будет? А ведь если бы не он с Максом, эти зверята тебя добились бы. И осталась бы твоя дочка сиротой, и не в институт пошла бы, а на панель, дальноточником с гостерами подмахивать...

Жучков замахнулся на Самсонова бодожком, но взмах оказался сильным и на ногах Андрей не удержался, свалился на спину, как мешок с картошкой. Наверняка зная, что руки ему не подадут, с трудом поднялся сам, отряхнулся и, скривив лицо от пронзившей боли, выдал:

– Будь Сашка на моём месте, он так же поступил бы. Я никому плохо не сделал.

– Нет, никому, – согласился Краснов, успокоившись. – Только двое молодых парней поехали в зону. А так всем хорошо, а тебе так и лучше всех. И не сдох, и не калека. Восстановишься. Не в тюрьме и бабла поднял. Но об этом все даже забудут. И чем быстрее подашь рапорт об увольнении, тем скорее. Для тебя же, между прочим, лучше...

– Вас забыл спросить, – парировал участковый.

– Нас не надо, мы, человеки маленькие, ничего не решаем, – философски заметил Валерий Самсонов. – А у Царя спроси, если тебе неожиданно ещё парочку административных участков навесят, и материалы тоже все тебе, и дежурства через сутки – двое...

– Не посмеет, – невозмутимо перебил Жучков. – Засужу...

– Давай – давай, – ухмыльнулся Самсонов. – Забыл, кто у нас главный коррупционер после мэра, председателя суда и прокурора. Любимый нами всеми начальник нашего ОВД. Он же в техосмотре начинал и связей у него, будь здоров. Гляди, чтобы он тебя по судам не затаскал...

– А то и под уэсбэшников подведет, – подхватил Краснов. – Ты за всю службу по материалам с признаками преступления, сколь отказных нашлёпал? Не помнишь? Царь напомнит. И поедешь к Сане с Максом, а они с тобой потолкуют, как добрые, старые коллеги. Не один пуд соли сожрали вместе, даже на одном суде вместе были, подумаешь, по разные стороны клетки...

– Да, не о чем с ним толковать. Не видите, броню накатил в три наката? – вмешался в разговор третий милиционер, Коля Ястребов. – Пошли. Нам ещё железную дорогу всю ночь охранять, а то враги захотят на Ким Чен Ира покушаться, а нас на месте нету, вот тогда точняк всех позакрывают и в специализированный нижнетагильский пионерлагерь для особо отличившихся милиционеров...

– За что? – поинтересовался Краснов, не выразив и тени изумления.

– За измену Родине, – невозмутимо ответил Николай.

– Ага, Корейской, – поддержал Самсонов шутку и рассмеялся так, будто ничего не произошло, и тяжелого разговора только что тоже не было. Почудилось.

– Пиши рапорт, Андрюша, – смерил Краснов Жучкова презрительным взглядом и поспешил за коллегами. – Э! Стажер! Чего завис?! Погнали!

Олег сделал шаг за Степаном, но остановился и внимательно посмотрел на Хворостова:

– Так что у вас с Анной?

– Пойми, Олег? – Виктор чуть замялся, но нашел в себе силы и высказал то, что считал правильным. – От жизни надо брать всё, по максимуму. Именно поэтому мои родители при бабках, и вот эта тётка на мерине, Добреева, она тоже. А твоя мамка и Анькины предки, как бы это помягче... Нужду мают всю жизнь. Но не это страшно. А то, что они и вас научили, не бороться за место под солнцем. Выдуманным человеколюбием прикрываетесь, совестью. Ты посмотри на себя, Олег. Полгода, как из армии пришёл, и нормальные шмотки купить не можешь, в армейской робе ходишь. Самому не надоело?

– Не юли, Вить. Говори как есть, спешу. – Олег оглянулся на повторный сигнал уазика, на котором приехал сюда с коллегами. – Вы с Аней больше не вместе из-за того, что её семья

твоей неровня. Мы никто и звать нас никак, а вот ты с твоим отцом фигуры, прямо как вот эти вот, купчиха первой гильдии и мразёнок её, и папашка его. И этот город и ваш тоже, как и их, но не наш. Григорьевск, Витя, он только твой, но не мой. Так, да?

– А-а, Олег, не надо дешевой философии, – картинно скривил лицо Виктор. – Я её от Аньки наслушался. То нельзя, это нельзя, вот так нельзя. Тошнит от вашей правильности, Рассказов...

– Только ты забыл, что я здесь родился, – перебил Олег. – А твоего отца сюда назначили, и ты приехал к нам с родителями уже во второй класс школы. И вас здесь приняли, и тебя, и отца твоего, и всю вашу семью...

Более протяжный, нетерпеливый, и оттого кажущийся грозным, автомобильный гудок, заставил Олега развернуться и бежать к машине, не закончив разговор с одноклассником.

– Беги, беги, Олежек. Прислуживай, – ухмыльнулся Хворостов. – Детство кончилось, дальше нам не по пути. Ох, дурак ты, Рассказов, ох, и дурак. Я же тебя звал с собой...

Спустя несколько часов в непроглядной душной тьме Олег Рассказов стоял спиной к железнодорожному полотну и под нескончаемое громохание бронепоезда главного в Северной Корее человека, пытался понять полочкам произошедшее за день. Зачем отец подростка поступил так подло? Ведь он знал, как всё случилось на самом деле. И он обещал. Впрочем, на суде его не было. Почему? А остальные, кого задержали в ту ночь? Они же не стали писать заявлений, потому что тоже признали, что были не правы. Даже тот, которого Олег и в самом деле едва не убил, а уж он-то мог бы, как никто другой – стажёр от души его разукрасил. Добреву – младшему в разы меньше досталось, а какой шум на всю округу подняли. Но заявление в прокуратуру поступало лишь от купчихи первой гильдии. И вдруг все выступили на стороне обвинения. За сколько? Меньше или больше им заплатили, чем Жучкову? Неужели и, правда, совесть, честность, справедливость можно купить? Верить в подобное не получалось. Хотелось спать и, пристально всматриваясь в ночную тьму, Рассказов задерживал взгляд буквально на каждом кустике, дереве да часто зевал...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. «ЗИМА ПРИХОДИТ ЛЕТОМ»

Глава 1. «Дежурный опер»

(июнь 2015 года, полиция)

За окном, выглядывающим в тёмный двор районного отдела полиции, шумел дождь. Белые циферки в правом нижнем углу монитора ещё семнадцать минут назад миновали трехчасовую отметку, и все уже должны были успокоиться, даже самые неугомонные.

Кое-как уложив коротко стриженую голову на мягкую кожаную папку, Олег Рассказов сидел за столом и дремал. Дежурства в следственно-оперативной группе, – были единственным, что не нравилось ему в службе, но они же были и данностью, с которой каждый раз приходилось мириться. Череду различных происшествий за очередное суточное дежурство совсем вымотали его. Два грабежа, один из которых был раскрыт и налетчик пускал слюни в камеру. Обыск в его жилище провели, похищенное изъяли и обнаружили ещё две мобилы. С гоп-стопов в соседнем районе. По второму грабителю составили фоторобот, но помочь в дальнейшем расследовании он не мог. Потерпевшая пенсионерка заверила, обидчика не опознает. После грабежей по оперативной сводке происшествий значились две квартирных кражи и одна карманная, – все темные. Следом – угон старенькой тойоты. Машину нашли раскуроченной в лесополосе недалеко от места хищения, однако любителя кататься на чужих тачках не задержали.

В пять тридцать, превозмогая непреодолимое нежелание, словно нужно было идти в атаку под ураганным огнём противника, Олегу следовало поднять голову, сходить и сполоснуть помятое лицо, надраить зубы. По возвращении из умывальника, он должен был вскипятить воду, налить кофе и, обжигаясь напитком, разложить по полочкам все сигналы: двое без вести пропавших и драка с причинением тяжкого вреда здоровью из-за бытового конфликта на фоне общей пьянки. Один лежал в реанимации, другой в клетке, а третий, где-то пережидая, никак не попадался в засаду оперов из городской убойки. И ещё вагон и маленькая тележка всего, что нормальному человеку не взбрело бы и в голову: утопление младенца в ванной, – несчастный случай. Не досмотрела молодая мать. Бывает. Но что, если сама притопила? Последовой синдром. Надо разбираться. А заодно и с парой суицидов через повешение, да половым сношением с лицом, не достигшим совершеннолетия. Деяние не наказуемо, ибо по обоюдному согласию и новой женщине аж целных семнадцать лет, но раз заявили, требовалась внести ясность. Далее в сводке значилось очередное, никого не удивившее, мошенничество через интернет-сайт и один несчастный случай – мужик свалился с крыши загородного дома, где чинил антенну, но сообщила о происшествии больничка, а это было территорией города, землёй района. Материал должен был уйти на сельскую территорию, но после, а пока лежал на столе старшего лейтенанта полиции Рассказова. Олегу за него и отвечать. Что сделал, чего нет, и точно ли пострадавшего специально никто не столкнул. Что же до мошенничества, то граждане сами были рады обманываться, насаживаясь на различные приманки злодеев, но восстанавливать справедливость – это участь ментов – бездельников. И прочее, прочее, прочее.

Ровно в семь нужно было идти на разбор полётов к Эдику – истерику, начальнику районного отдела уголовного розыска, который каждый день докладывал о криминальной обстановке на вверенной территории вышестоящим боссам и по сему с дежурных оперов он спрашивал не по-детски. Дел предстояло много, но открывать глаза и включать в кабинете свет не хотелось. Однако пришлось и намного раньше срока, обозначенного дежурным опером самому себе. Стационарный телефон механическим голосом в трубке оповестил:

– Олег, на Кирова убой. Заявка со станции скорой помощи, городская пэпээс уже на месте...

Город сиял разноцветными неоновыми вывесками на каждом здании, однако света в окнах жилых домов не было. И всё же, не смотря на ночь, панельно-деревянный, каменно-кирпичный великан жил. Хотя люди да машины в большинстве своём уже и досматривали сотые сны, молодёжь ещё бодрствовала. Для них, у кого кровь в жилах бурлит, ночь, известное дело, – друг. Одним ради поцелуев и посиделок на скамейках во дворах домов, другим ради шальной наживы через гоп-стоп, третьим поискать закладочку, ширнуться да успокоиться. И бдели ещё дежурные расчёты караулов пожарных машин, дежурные бригады скорой медпомощи и врачи в дежурных больницах, охранники в банках, магазинах да на складах. И, конечно же, полицейские пешие наряды, мобильные экипажи и следственно-оперативные группы. Ночная жизнь любого большого города.

Олег Рассказов, эксперт-криминалист и лысый водитель их дежурной машины были из числа последних. Молоденькая девчонка в штатском, – дежурный следователь, которую так бесцеремонно разбудили среди ночи, не принадлежала полицейскому ведомству, а была из районного следственного комитета. Прислонившись маленькими головой и плечиком к стеклу, за которым, будто в сказке, проплывали размытые дождевыми каплями яркие огни, она досматривала сон. Наверное, о большой и чистой любви, коей в реальной жизни еще не встречала: без слез и крови, без истерик и обвинений, без боли и сумасшествия.

Машина дежурной группы остановилась у обычной пятиэтажной панелькой среди трёх длинных десятиэтажных общаг. Когда-то общежития были студенческими, а пятиэтажка – жильём для преподавательского состава, но лишь для семейных. Холостые педагоги обитали там, где и студенты, мешая молодым спокойно кутить все студенческие годы напролет. Однако педагогическую академию лет семь как закрыли, и в её корпусах расположилось множество фирм да магазинов самой различной масти. А в общагах обитали все, кто угодно, но студенты из других ВУЗов были в меньшинстве. Зато было через край гастарбайтеров из такой близкой и почти родной Средней Азии, неустанно кричащей о самостоятельности, невзирая на то, что её дети круглый год зарабатывали в России, а не дома. И к ним привыкли. Олег и сам всегда покупал фрукты да ягоды только у торговцев из жарких южных стран, каждый раз начиная и заканчивая обращение словом: «Уважаемый». Азиаты и кавказцы очень любят это слово, много им не надо, и Рассказова они ни разу не обманули.

В преподавательском доме тоже жили разные люди, и, пожалуй, ни один из них педагогом не был. Но, как правило, они были потомками тех, кто когда-то учил, как правильно среди детворы сеять вечное, разумное, доброе.

Машина скорой медпомощи застыла у второго подъезда. Вся бригада дремала в салоне, не выключив свет. Рядом припарковался новенький УАЗ-Хантер экипажа ППС из городского отдельного батальона, но внутри находился только водитель с погонами старшины полиции на форменной кожаной, как и у Олега с экспертом, куртке, да сигаретой во рту. На немолодом лице шофёра без труда читалась, спать ему не хочется, однако до жути скучно.

– Я констатировал смерть женщины, но патрульные не отпускают. Сказали вас дожидаться, а у меня ещё вызовов много, если так-то разобраться, – монотонно проворчал врач и зевнул, не прикрыв рот ладонью.

– Причина смерти? – спросила следователь.

– Вероятнее всего, разрыв печени, если так-то разобраться. И обильная кровопотеря. Один точный удар. Смерть наступила где-то за час до нашего приезда, – всё так же безразлично ответил медик и, пожав Олегу руку, передал ему справку.

– Профессионал бил? – уточнил Рассказов.

– Не думаю. Он там с коллегами вашими беседует. Пьяный в дугу, поэтому так удачно и попал ей. Снизу-вверх бил, левой рукой. Бытовуха, как у вас говорят, если так-то разобраться.

Олег поблагодарил врача, на что тот вздохнул и развёл руками:

– Не за что мне спасибо говорить. Красивая была, если так-то разобраться.

– Всё равно, спасибо, – поддержала Олега следователь.

– Да, ладно, – отмахнулся врач. – Мы поедем? А то ничем уже не поможем, если так-то разобраться.

– Езжайте, – поспешно ответила следователь и спросила водителя экипажа ППС. – Труповозку вызывали?

Старшина полиции, продолжая курить, пожал плечами. Он шофёр и его задача рулить, куда скажет старший экипажа. Не более того. А кто там кого вызвал, ему неинтересно.

– Пойдём, глянем, – не то спросила, не то предложила следователь оперу, безразлично глядя в след бесшумно выезжающей со двора машине скорой медпомощи.

– Пошли, – согласился эксперт вперёд Олега. – Какой этаж?

Шофёр ППС показал два пальца и втянул в себя сигаретный дым.

– Немой? – поинтересовался Рассказов и шофёр, выпустив облачко дыма, кивнул.

Олег улыбнулся и пошёл за следователем с экспертом.

Обычная дверь квартиры, деревянная и обшарпанная, была открыта настежь. Пьяный молодой человек в испачканной майке и спортивных трико с закатанными штанинами сидел в крохотной кухне на табурете. На столе, кроме литровой банки, наполовину наполненной прозрачной водой, было множество простой посуды. Глубокая железная чашка с остатками салата и закопчённая сковорода с жареным картофелем, блюдец с осиротевшим куском ржаного хлеба да стрелами зелёного лука и плоская тарелка с двумя кусочками вареной колбасы. Культурно люди отдыхали, ничего не скажешь. Но внимание опера привлекли три вилки и три гранённых стакана, один из которых валялся под столом, где успокоились и две бутылки из-под водки.

Нож с пластмассовой рукояткой чёрного цвета, широким длинным лезвием лежал на подоконнике, – подальше от сидевшего. Постовые к орудию преступления не прикасались. Их задачей было задержание предполагаемого преступника и охрана место происшествия до прибытия следственно-оперативной группы, ничего не трогая. Зря только вилки не отодвинули от задержанного. Однако мужчина вёл себя спокойно, не быковал, да и вряд ли понимал, что происходило в его однокомнатной квартире. На вошедших, даже не посмотрел, и, казалось, ко всему потерял интерес. Понурился, он тупо глазел в пол, на лужу, которую эксперт – криминалист, как и пятна на лезвии ножа, обязательно назовёт неизвестной жидкостью бурого цвета, похожей на кровь. Жидкость тянулась дальше из кухни через короткий коридор в небольшую комнату, отчего было ясно, убиенная сначала лежала в одном месте, а потом её перетащили в другое. Там и обнаружили. На боку, на стареньком диване. Руки мёртвой девушки и одна нога свисали к полу, голова неестественно упёрлась в боковую спинку. Не худая и не толстая, среднего роста, с длинной рыжей косой. В мир иной она отошла в халате с нелепыми ромбиками пёстрых цветов, полы которого были сильно задраны, отчего оголились залитые кровью живот, белые кружевные трусики и стройные ноги. Лицо с открытыми глазами ничего не выражало. Едва уловимо чувствовался сладковатый запах крови.

– Что здесь стряслось? – спросила следователь старшего патрульно-постового экипажа.

– Я изложил тут всё, только он ещё не расписался, – протянул молоденький лейтенант бланк объяснения, исписанный крупным почерком с обеих сторон. – Сейчас ещё рапорт напишу.

– Пиши, – сухо сказал Рассказов, читая объяснение, взятое у следователя.

Из написанного выходило, что гражданин Зайчиков по имени Александр и к тому же сын Александра, тридцати одного года от роду, ранее не судимый, работающий водителем погрузчика, весь день и днём тому предшествующим употреблял её, прозрачную, как слеза младенца. Пил без особого на то повода. Что-то отмечал, но что, не помнит. Во всяком случае, не отпуск, который отпраздновал неделю назад, когда в него и отправился. Вечером с работы вернулась

супруга, Зайчикова Алёна Игоревна, семью годами младше него, и с которой они в законном браке прожили аж десять месяцев. Мужа своего женщина любила без памяти, потому, как и он без неё жить не мог. И по причине большого светлого чувства Алёнушка присоединилась к возлиянию огненной воды. Но незадача вышла, лизнула лишнего и брякнула мужу что-то неуютное, дюже обидное, ибо, как и все дочери Евы, дура полная, за что моментально получила подзатыльник, дабы знала впредь, как себя вести с главой семейства. Однако супруга стала скандалить, да столь громко, что иначе, как ножом в живот, успокоить её было нельзя. Правда, по-другому любимый и любящий муж не пробовал.

– Прочти и подпиши, – Рассказов, по-свойски, протянул бланк объяснения и авторучку убийце.

– Не буду читать, – всхлипывая, Зайчиков поднял заплаканное лицо и посмотрел на опера. – Знаю, что там.

– Тогда пиши, – согласился Олег и продиктовал. – С моих слов записано верно, мной прочитано.

Мужчина трясущейся рукой поставил автограф, и вновь уткнулся помутненным взглядом в пол.

– Труп зачем перетащил? – спросил Рассказов, вернув объяснение следователю.

– Чево-о? Какой труп? – не понял Зайчиков, подняв уже ошалелый взгляд.

– Жены твоей труп, – вздохнул Олег.

– Это вам она труп, а мне жена, – возмутился Саша и отвернулся к окну. – Холодно ей было, вот и перетащил...

– Она сама сказала, что ей холодно? – вмешалась следователь.

Да, в первую очередь было необходимым определить состав преступления – тяжкий вред здоровью, по неосторожности повлекший смерть потерпевшего, или же умышленное убийство. Разница большая. Хотел Зайчиков жену убивать или случайно у него так получилось? Всё остальное потом. Хотя выяснять особо-то было и нечего.

– Издеваетесь? – хмыкнул Зайчиков. – Ничего она не говорила. Сразу умерла. Но я понимаю, холодно ей на полу.

– Жалеешь, – с трудом сдержал усмешку эксперт-криминалист, снимавший со стаканов отпечатки пальцев.

– А как же я жену родную жалеть не буду? Люблю и жалею, – искренне удивился Зайчиков, продолжая всхлипать. – Странные вы какие-то, полицейские, как будто не люди даже, раз такие вопросы задаёте...

– Ясно, – кивнул Олег и поинтересовался. – Один перетаскивал?

Саня замотал головой:

– Не... С Жемой... Ой, да... Один... Не надо... Один я...

– Труповозку вызывайте и понятые для осмотра нужны, – заявила следователь так, будто это было новостью, и никто не знал, что понятые должны быть. Лучше бы сказала, где их взять в начале пятого часа утра.

– А успеете закончить, пока санитары приедут? – уточнил Рассказов.

– Да, – заверила следователь.

Опер послушно набрал номер телефона дежурной части и подтвердил, что действительно совершено убийство, и труп уже остывает. Оперативный дежурный ответил, что машину спецбюро вызвал сразу, как только позвонил старший экипажа ППС и тоже сообщил о трупе. А не приехали санитары, надо полагать, из-за того, что и без этого убийства много людей мрёт в городе. А по ночам так и подавно.

– Я за понятыми, – оповестил Олег, покидая квартиру.

Выйдя из подъезда, Рассказов взглянул на общагу напротив. Света в окнах не было вовсе. Середина недели, все спали перед грядущим трудовым днём, и никому не было интересно,

никто даже не знал, что всего несколько часов назад кто-то где-то умер. Да, и что с того? Тут не то, что несколько часов, а несколько минут или даже секунд назад кто-то точно покинул этот Мир. Да, даже в это самое мгновение, пока опер ломал голову, как выполнить поставленную задачу, точно никто не услышал чей-то последний, совсем неслышимый, вздох. Какой-нибудь бабульки в отдельной комнате. Утром семейство встанет, увидит, завоюет, и начнётся предположительная беготня. А пока спали и не знали. И никто не знал. Но если город постоянно думал бы об этом, то давно бы свихнулся и стал городом шизофреников. Кто-то где-то умер. Закон жизни. Однако существовал и другой Закон. В ту самую минуту, пока Олег Рассказов смотрел на тёмные окна общежития, уже кто-то где-то, громко плача, ворвался в грязный зловонный неуютный и жестокий Мир, к существованию в котором нужно долго приспособливаться. И как только привык, научился и знаешь всё, тебя ничем уж не удивить, у тебя огромный жизненный опыт, ты раз, и уходишь. Навсегда. Так и не получив ни от кого чёткого ответа, в чём был смысл твоего пребывания на грешной Земле? Не сумев понять, выполнил ли задачу, поставленную перед тобой Творцом? Но пока ты ещё только появился. И это было гораздо лучше, чем, если бы тебя не стало. Дочка Олега – Олеська тоже родилась ночью, и Рассказов долго не мог уснуть. Не нужны ему были ни телевизор, ни компьютерные игры, ничто на свете его не волновало. Ворочался, вздыхал, но только на следующий день узнал, что сон к нему пришел-таки ровно в ту минуту, когда его малышка впервые закричала на руках доктора. Фамилию врача Олег запомнил на всю жизнь. Комарова – лучшая фамилия из всех. После его собственной. А ещё через день Олег узнал, что в час, когда стал отцом, умер директор его школы, которого он очень уважал. Инфаркт. В ночь после того, как освободился на условно-досрочное. Говорят, за взятку сидел, хотя Олег никогда в эту чушь не верил. Более того, Рассказов знал, кто был виноват в несправедливости, но и в это тоже долго не хотел верить. Не мог себе позволить, думать столь плохо о человеке, с которым был знаком всю сознательную жизнь. Теперь же был уверен, так всё и было, и вспоминать о своей ошибке Олег не хотел.

Где искать понятых ранним утром, оставалось непонятным. К соседям дежурный опер даже не стал стучать, зная наверняка, что в лучшем случае, к дверям никто не подойдёт. А в худшем – проснутся, посмотрят в глазок и не откроют, послав, куда подальше. И будут правы. Ну, какая ещё полиция, коли и так вставать через час и весь день работать, работать, работать. И Олег решил, написать к материалу справку, что не проводил поквартирный обход ввиду позднего времени суток. Или раннего? Чёрт! Как правильно? Да, какая разница? С новым преступлением было всё ясно – не "глухарь". Раскрыто по "горячим следам". Вот труп, вот – убийца. Мотив преступного деяния, как на ладони. А если уж быть совсем откровенным, то и в светлое время суток нелегко было найти понятых. Люди не желали, чтобы их фамилии, имена да адреса проживания каким-либо образом очутились в следственных документах. Начальство, конечно, будет умничать, грозно вопрошая, почему дежурный опер не обошел всех жильцов подъезда, не опросил их. А вдруг они что-то слышали или даже видели. Так на то оно и начальство, чтобы китайские вопросы подчиненным задавать, вводя их тем самым в ступор, вот, мол, какие мы Шерлоки Холмсы, а вам, товарищ старший лейтенант, учиться ещё и учиться. Сами бы приехали сюда и провели бы поквартирник. Однако. И ответственным из главка, как ни странно, тоже не пахло. Целое убийство было совершено, а не семейно-бытовой конфликт, как участковые называли обычные скандалы. Впрочем, было очень даже неплохо, что интерес к происшествию никто из руководства не проявил, а то замучили бы бестолковыми указаниями.

Светлая мысль в голову пришла неожиданно. Вахтёры общежитий! Эти по ночам тоже не спали, неотступно блюдя за порядком в общагах, глядя в экраны маленьких телевизоров в жарких каморках, и, если их на пять минут отвлечь, ничего страшного не произойдёт.

– Наша дежурка где? – спросил Рассказов у водителя уазика городского батальона ППС.

– На заправку поехал, – ответил старшина полиции.

– Идём со мной в общаги, – позвал Рассказов, усмехнувшись, что водитель, всё-таки, говорящий.

– Зачем? – недоумённо спросил старшина полиции, прикуривая очередную сигарету.

– Вахтёров попросим понятыми побыть, – пояснил Олег, обратив внимание, что дождь закончился.

Водитель поразмыслял и выдал:

– Машину не могу бросить.

– Закрой. Чего ей сделается?

– В этом райончике ещё как сделается, разобьют стекло и угонят, – уверенно ответил водитель. – Забыл, года четыре назад у гайцев девятку угоняли? Здесь было, вон за той общагой. Ладно, нашли хоть потом.

Олег не помнил, потому что в полиции в то время не служил.

– Видишь, нашли же. И эту найдут, если...

– Иди ты, – перебил старшина полиции. – Накаркаешь.

– Уже, – тихо проворчал Олег, глядя на медленно подкатившую, будто сказочная карета, черную «Шкоду Октавия».

– А? – не понял водитель.

– Главк прикатил. Ответственный по области, – объяснил Рассказов и водитель, натянув форменную кепку, вылез из машины, не зная, куда деть руки. По швам? Так не первогодок по стойке смирно вытягиваться. В карманы? Но за это начальство взгреет, им только дай повод. И самое невыносимое, учить жизни будут в присутствии молодых. Сколько служит, а всё разгильдяй. Руки старшина спрятал за спину, ноги чуть в стороны.

«Не пузо бы, так ни дать, ни взять тexasский рейнджер на плацу», – усмехнулся Олег и настороженно посмотрел на потухшие фары чешского автомобиля. Из салона вышел приземистый коренастый человек в штатском: дорогой клетчатый пиджак поверх футболки, джинсы, лакированные туфли. Степенно сделав два шага, он остановился около Олега, протянул руку, и дежурный опер, неуверенно пожимая её в ответ, не мог поверить своим глазам. В ярком свете уличного фонаря он видел Славку. Слова, положенные при докладе, застряли в горле. В голове бешено стучало по черепной коробке: «Не может быть!» Но Рассказов не ошибся.

– Киреев Вячеслав Николаевич, капитан полиции, убойный главка, – ответственный пожал руку водителю экипажа ППС. – Короче, что у вас тут? Кто оперативник?

– Я, – с трудом выдавил Олег. – Старший лейтенант полиции Рассказов. Бытовуха, товарищ капитан. Муж жену. Распивали...

– Короче, показывайте, – Киреев первым шагнул к подъезду.

– Товарищ капитан, я за понятыми, осмотр начинать пора.

– Добро, – согласился Вячеслав Николаевич. – Короче, какой там этаж?

– Второй, – бодро ответил старшина полиции, не отходя ни на шаг от уазика и продолжая держать руки за спиной.

«Не узнал», – вертелось в голове Олега, когда он вошёл в первое общежитие. Радоваться или нет, Рассказов не знал. «Откуда он здесь взялся? Зачем? Все давно кончилось», – тревожные мысли не хотели покидать дежурного опера, даже когда на него испуганно вытаращилась вахтёр – пожилая женщина. Сложив руки на большой груди, она, громко похрапывая, дремала в кресле перед телевизором, показывавшим всего один канал и тот с рябью. Поначалу женщина не сразу поняла, кто перед ней, вскочила, схватила что-то со стола, но разглядев человека в форме, забеспокоилась – неужто непорядок какой проспала на вверенном объекте. Когда же взяла в толк, что в её общежитии ничего противозаконного не произошло, попробовала возмутиться:

– И чего, товарищи полицейские, шлындаете по ночам, спать не даёте, покой нарушаете.

Поворчав ещё с минуту, вахтёрша сменила гнев на милость. Но, сообразив, что от неё требуется, предприняла замахала руками, будто от чёрта отмахиваясь:

– Ох, нет, пост бросить не могу. Да и стара, ноги еле ходят. Мне б до своей конуры добрести, на восьмой этаж, а лифт, сволочь такая, опять не работает.

Но отнекивалась вахтёрша недолго, и как только Олег сказал, что в доме напротив совершенно самое настоящее убийство, согласилась. Будет, о чём на следующий день посудачить с подружками – старушками.

Вахтёра другого общежития долго уговаривать не пришлось. Она, тоже пожилая женщина, даже старше своей коллеги, лишь посетовала на бессонницу и бодро, вперед Олега, зашагала к дому, в котором ещё прошлым вечером жили счастливые молодожёны.

Представив понятых следователю, Олег невольно взглянул на ответственного. Тот наблюдал за экспертом, фотографировавшим место происшествия, но почувствовав на себе взгляд дежурного опера, спросил, не оборачиваясь:

– Короче, Олег, поквартирный проводили?

– Нет, – буркнул Рассказов и пообещал. – Часов в семь люди проснутся, опрошу всех, товарищ капитан.

– Короче, айда, покурим, – неожиданно позвал Киреев, повернувшись к оперу.

– Не курю, – обманул Олег, чувствуя, что не сумеет избежать более близкого знакомства с тем, кого давно знал, но и думать об этом не хотел.

– Короче, я тоже, – добродушно ухмыльнулся Вячеслав Николаевич и настойчиво повторил. – Айда, айда.

Ответственный первым вышел из подъезда, и Рассказов покорно проследовал за ним.

– Короче, давно бросил? – поинтересовался Киреев, когда вышли из подъезда.

– Что? – не понял Олег.

– Курить, – пояснил Вячеслав Николаевич. – Короче, ты курил, я помню...

– Давно, – опять соврал Рассказов. – А вам, товарищ капитан, какое до этого дело?

– Короче, Олег, хватит прикидываться. Ты, что, не признал меня? Так я вижу, узнал.

Рассказов молчал, неотступно глядя на то место, где стоял автомобиль ППС. Уехали патрульные. Но лучше бы это сделал Киреев.

– Олег, ты не хочешь со мной говорить? Ты меня винишь в чём-то? – спросил Киреев, глядя в глаза Рассказову. – Короче, тебе виднее, а я перед тобой ни в чём не виноват. И, вообще, как ты здесь очутился? Ты же уволился. Уехал куда-то...

– Сюда и уехал. Подальше от всех вас, – огрызнулся Олег. – А вот с какого перепугу ты здесь оказался?

– Короче, хорошо служил, отправили в академию здешнюю, успешно закончил и назад, в дыре провинциальной торчать, не захотел. Перспектив ноль. Короче, начинал опером в соседнем с тобой районе, несколько мокрух размотал, заметили, забрали в город, а оттуда я в главк быстренько слинял. Не так давно. Некомплект большой, берут любого, кто хоть что-то в нашем деле волочет. Теперь вот временно исполняю обязанности начальника убойного, без освобождения от должности старшего опера. Второй раз ответственным заступил. Сутки бешенные, по всей области разбои, грабежи, кражи, нераскрытого много остается, получу завтра от папы...

– Не плачь, Слав, не надо, – недобро усмехнулся Рассказов. – Сам сказал, служишь хорошо. Не загрызет тебя папа. Пожурит немного, дабы неповадно было, и всё...

– Короче, Олег, не надо, не пытайся укусить меня, – попросил Киреев. – Как у вас на районе, кстати?

– Тебя укусишь, как же, – ответил Рассказов с сарказмом. – Во, куда взлетел.

– Короче, завидуешь? – спросил Вячеслав Николаевич.

– Злюсь.

– Короче, на что?

– Ещё не решил, но то, что наша встреча мне не нравится, это уже вполне определённо, – не зная, куда прятать глаза и стараясь не смотреть на собеседника, Олег постоянно вертел головой. – И у нас тут нормально, держимся. Что можно, раскрываем, а что нельзя, отказываем, чтобы вам в главк цифру красивую дать для статистики...

– Короче, Олег, я понимаю, неожиданно...

– Да, уж, – согласился Рассказов. – Других-то академий у нас нет, надо было тебе сюда припереться, да, ещё и остаться...

– Короче, изворчался, как бабка, – перебил Вячеслав Николаевич и протянул руку. – Я понял, разговора не будет. Будь здоров.

Не дождавшись рукопожатия, ответственный пошёл к машине, открыл дверцу, сел, но двигатель не завёл, выглянул и прокричал:

– Короче, ротный наш на пенсию свалил! Теперь обычным охранником в магазине! Откомандовался! А Андронов переаттестацию при переводе в росгвардию не прошел! На вахты ездит, плачет, как плохо! Слышишь?!

Рассказов стоял у подъезда и не знал, как поступить. Он всё слышал, но лучше бы этих слов не было. Как и Киреева. Как и ротного с взводным. Как и Хворостова, и Добреева. Всё должно было быть совсем не так, как есть. И Олег очень хотел справедливости. Он жаждал её, будто голодный крошки хлеба, да никто не дал. И вот справедливость пришла, но слишком поздно. Настолько, что он попросту не хочет ничего вспоминать. Будто бы на могилу человека, умершего от голода, вдруг кто-то принёс целый батон. Мягкий, ароматный, вкусный. А зачем?

– Короче, оставь цифры свои, Олег, – Вячеслав Николаевич, не закрыв дверцу машины, вернулся к дежурному оперу.

– Для чего? – спросил Рассказов, уже не пряча взор, обозлившись сильнее, и распалаясь оттого больше. – Что ты хочешь? Что тебе от меня надо, Слава? Бабка я?! Пусть! Тебе не понять, каково это бросить всё и трусливо сбежать и лезть из кожи вон, с младенцем на руках устраиваясь на новом месте, где у тебя нет ни одной знакомой души, и никто тебе не поможет. Ровная кочка. Я тогда всё правильно сделал, но меня не услышали. Тебе не понять, как сгораешь от жажды мести! Невдомёк, каково это, осознавать, что ты не способен на ответ и не можешь дать сдачи. И, соглашаясь, что ты жалок и ничтожен, что никто в этом мире, пыль, ты настолько сходишь с ума, что ночами не можешь уснуть! Знаешь, Слава, сбежать из Григорьевска было не так уж и тяжело, от себя, своих принципов, идеалов оказалось гораздо сложнее, почти невозможно! Но я смог! Я справился со всем этим! И заметь, не забухал, не заторчал, как большинство сломавшихся! Я просто забыл! Навсегда! Заставил себя забыть! Всё забыть! И начал жить по-новому! И тут, бабах, ты! На хрена?! Тебе реально других городов мало?! А в том городе, где мы родились, тебя что не устраивало?! Ты невинных не избивал! Что тебе мешало дальше хорошо служить там?!

– Короче, успокойся, людей разбудишь, – остановил Киреев.

– И хорошо, поквартирник сразу проведу. Не мешайте работать, товарищ капитан, – Олег взялся за ручку двери подъезда, сделал шаг внутрь, но обернулся и совершенно спокойно, ровным тоном сказал. – Пошел ты, Слава. Номер моего телефона тебе? Обойдешься.

– Короче, я наберу, когда в себя придёшь, – кивнул Киреев и вернулся к машине. – И подробную справку о проделанной работе дежурному оперу главка не забудь скинуть. Психопат.

– Без сопливых стажёров знаю, что делать!

Вячеслав Николаевич на последние слова никак не отреагировал, и через долю секунды его машина исчезла из вида. А так хотелось уколоть напоследок. Да побольнее.

«Командует ещё», – внутри всё кипело от злобы, и что делал дальше, Рассказов понимал смутно.

Обход он закончил, когда совсем рассвело. В квартире, где случилось убийство, прошлым вечером случился скандал, что никого не удивило, – не первый раз. Участковому сколько писали, да он так и не появился в квартире, которая давно никому покоя не давала. Зато теперь, надо было полагать, потише станет. А, впрочем, кого хозяйка ещё пустит жить. А ну шебутных, как и сын её. Олег пробовал защитить участкового, мол, один на четыре административных участка, и он там, откуда больше всего материалов поступает, коих у него каждое утро по тридцать новых, и по каждому он за трое суток обязан принять законное решение. Однако не выпавшиеся жильцы подъезда не слушали, а один мужчина так и вовсе претензию высказал:

– Вы здесь, товарищ старший лейтенант, а участкового как не было, так и нет. А он здесь в первую голову за всё отвечает. Профилактика где? Нету. А закрыл бы участковый Сашку по нашим заявлениям на пятнадцать суток, да раз двадцать таким макаром, глядишь, и перестал бы Сашка лакать водку эту проклятую, и Алёна была бы жива. Но вышло, как вышло, и виноват в том участковый. Никому мы, простые люди в этом государстве не нужны, каждый сам за себя. Давно известно, кто сильнее, хитрее, наглее, тот и прав. Такое моё вам мнение, товарищ старший лейтенант, и ничем вы его не перешибёте, а участковому нашему передайте, кровь молодой женщины на его совести...

Спорить Рассказов не стал, подумав, что в полиции уже давно никто ни за что не отвечает. Не кому. Начальство, собирая все силы на решение одной проблемы, оставляет тем самым без внимания десятки других. Тришкин кафтан, перетягивать который каждый раз туда – сюда порядком устали, а потому плюнули на всё и живут от выговора до выговора. Кто-то неумный на самом верху, сокращая МВД, стремился к общеевропейским показателям. Там на одну тысячу населения копов в разы меньше, чем в России. И справляются. А разве Россия хуже Европы? Наоборот, лучше. Так и хорошо. Кто против-то? Однако забыли спросить, сколько заяв в сутки поступает одному полицейскому где-нибудь в Праге? И, вообще, мыслимо ли там, чтобы муж по пьяной лавочке жену зарезал. Понятно, и у них случается подобное. Люди везде одинаковые. Но как часто мужья убивали жён в Лондоне? Судя по книжным детективам, в день по пятнадцать раз, однако всё было спланировано, изошрённо. А сколько было вот так, как в России? На дурика? Просто слово за слово и всё, один из скандаливших уже у праотцов. Олег был готов об заклад побиться, что раз в десять лет, и это было ЧП. А в России каждый день и обыденность. Реформаторы, коленвал им в дышало. А, может, измена Родине? Кому-то же и зачем-то надо было, чтобы Россия стала ещё слабее и неможнее. Ведь если у себя дома навести порядок не в состоянии, как можно указывать соседям, что у них там тоже всё не комильфо? Ответят, и совершенно справедливо, в Рашке своей сначала разберитесь.

Мысли эти давно уже не покидали Рассказова. Он к ним привык и думал о проблеме постоянно. Слабая, по своей сути, полиция России – была первой темой во всех его беседах. Да, и о чём ему ещё было говорить с людьми, если он не видел и не знал ничего, кроме уголовного розыска, пропадая на службе сутками. Вероятно, у него уже развилась шизофрения, но Олег подобного диагноза не страшился. И с ним люди как-то живут.

Собутыльник Зайчикова ютился на пятом этаже с престарелым отцом, тоже любящим изрядно бухнуть. Но дверь квартиры, сколько Олег по ней не тарабанил, никто и не открыл. А сам убийца, когда его выводили из квартиры под любопытные взгляды проснувшихся и спешащих на работу соседей, опустился на колени перед носилками, на которых лежала накрытая простыней убитая, и долго шептал, как молился:

– Прости, любимая. Прости, Алёнушка моя, прости. Я не хотел. Прости, не хотел. Прости. Люблю тебя, и всегда буду любить. Прости. Милая моя, хорошая, прости. Прости, прости, прости...

– Хватит стонать, – тихо прервал дежурный опер Зайчикова, успокаивающе похлопывая его по плечу. – Всё, Саш, всё...

Причитания убийцы были невыносимы, но отогнав его от трупа убиенной им жены, Олег продолжал слышать прощальные мольбы к отнятой жизни. Слова эти назойливо крутились в голове, наизнанку выворачивая отравленную душу. И, глядя, как санитары несут носилки с мёртвой, чья рука безжизненно свисла из-под простыни, Олег вдруг отчётливо понял, что никогда не сможет привыкнуть к увиденному им уже не в первой. Ни за что на Свете он не примет душой того, что один человек может лишиться жизни другого, особенно если убийца и убитый – близкие люди. Он, старший лейтенант полиции Олег Леонидович Рассказов, тридцати четырёх лет от роду, сколько бы ни старался, не сумеет этого понять. Не сможет осознать, как подобное, может случаться. И от этих мыслей на сердце опера тяжёлым грузом свалился ещё один огромный камень. И никто во всей Вселенной уже не мог раскидать те каменные глыбы, освобождая маленькое, сжавшееся, бьющееся из последних сил, сердце. И душа Олега давно не плакала, а сдавленно и протяжно стонала из-под той груди. И не за горами было то время, когда она должна замолкнуть совсем, и Рассказов станет страшным человеком. Нет, существом. Для него больше не будет чужих боли, слёз и крови. Ему никого не будет жалко, как и самого себя. И именно этого он боялся больше всего.

С просветлевшего неба опять полилось, но холодно не было. Однако чувствовалось, ненадолго.

Всё. О трагедии, произошедшей несколько часов назад, напоминали лишь лужица крови на кухонном полу и тёмно-бурый след волочения в коридоре, да сам хозяин квартиры. Кровь кто-нибудь замочит, хозяина посадят и надолго, и вскоре ничто не будет напоминать об убийстве. Но будет помнить он, дежурный опер. И дежурные следователь с экспертом – криминалистом. И ещё обязательно будет помнить сам убийца. Да, изредка будут вспоминать соседи и родители Алёнушки.

– Поехали, – Рассказов, взяв задержанного под локоть, подвел его к дежурной машине.

– Куда? – Зайчиков вдруг перестав рыдать, внимательно посмотрел на Олега.

– В отдел, – ответил старший лейтенант полиции, и устало вздохнул. – Куда ещё?

Что-то неясное, но тяжёлое, ужасающее и полное осознания произошедшего, постепенно начало проникать в мозг убийцы. Зайчиков напрягся, обернулся и уверенно посмотрел Рассказову в лицо.

– Не поеду.

– Кто тебя теперь спрашивает, Саша? Надо ехать.

– Кому надо?

– Нам.

– Вам надо, вы езжайте, а я не поеду, сказал, – заявил хозяин квартиры, хотя заплаканное лицо его красноречиво говорило, что ещё секунду назад он ни в чём не был уверен.

– И тебе надо, Саша, – парировал Рассказов примирительным тоном. – Садись, поехали.

– Мне не надо! Не надо! – закричал Саша и, не зная, что делать, в отчаянии попытался ударить полицейского. – Ты не понимаешь, у меня горе! У меня жена умерла! Я не поеду!

Следователь испуганно взвизгнула, и кто-то ойкнул, но Олег заученным движением перехватил летящий в него кулак, вывернул кисть руки и, грубо развернув убийцу спиной к себе, привычным движением застегнул на его запястьях наручники:

– Не ори! Сам виноват! Нужно ответить!

– Я уже ответил! Я сам себя наказал! Как я буду жить без неё!? Разве не понятно!? – крик превратился в истерику, которая долго стояла в ушах и мешала заснуть, когда Рассказов, выслушав кучу замечаний руководства и сдав, наконец, смену, кое-как добрался до дома.

Проспав весь день, как умер, без снов и мыслей, Олег всю ночь, стараясь не разбудить мать, смотрел маленький телевизор, приютившийся на холодильнике в кухне. Убавляя и вновь добавляя громкость, он мысленно ругался на раздражающую своей частотой рекламу, которая, как бы убедительно рекламщики не доказывали обратное, специально транслировалась

громче, чем фильм. Но то, что показывали, Рассказова интересовало постольку – поскольку. Просто фон, и под него неожиданно полезли воспоминания, которых он не хотел, гнал прочь, заставляя себя вникнуть в суть показываемого по телику, однако всё было тщетно. Настырно, как он ни старался отвлечься, увильнуть, не смотреть и не вспоминать, вставало перед глазами давно забытое. Будто картинки в дочкиной книжке со сказками Андерсена. Но не гадкий утенок и не русалочка Ариэль, а Добреев Руся собственной персоной и его мамаша, купчиха первой гильдии. И откуда-то из самых мрачных глубин памяти возникли одноклассник и закадычный друг детства Витька Хворостов, и стажёр Славка Киреев, но почему-то с капитанскими погонами. И все остальные: начальник отдела по прозвищу Царь, председатель районного суда с холеными усиками, наставники Тропарев и Семенов, командир взвода Андронов и водитель экипажа, чья фамилия, пожалуй, было единственным, что Олег никак не мог вспомнить. Вот бы и с остальным также, но нет. И, сидя на подоконнике у настежь раскрытого окна, Рассказов курил, и курил. Одну за другой. Судя по лужам на асфальте, днём опять моросило, но теперь стояло безветрие, и наступающий день обещал быть сухим. Лето же. Хотя перед глазами Олега стояла лютая зима. Та самая, морознее которой в его жизни не было ни до, ни после...

Глава 2. «Группа задержания»

(Григорьевск, январь 2005 года, милиция)

Сказать, хот-дог не нравился, определённо было нельзя. Скорее, он был никаким. Безвкусным, что ли. Истинно – жратва для собак. Но купить ночью в маленьком райцентре что-либо пригодное в пищу, было сродни невыполнимому. Напиток, называемый по досадному недоразумению, кофе, давно остыл. Получалось, что есть и хотелось, и нет. Одновременно. И потому старший одной из двух мобильных групп первого взвода григорьевского отдела вневедомственной охраны, младший лейтенант милиции Олег Рассказов, лениво и долго пережевывая постную сосиску со сдобой под соусом из кетчупа и майонеза, тоскливо глядел через лобовое стекло старенького уазика на длинный, пустынный проспект. Хотя, какой там проспект? Одно название. Вот в большом городе, в десятке километров от которого он служил срочную, действительно, были проспекты. И Рассказов очень хотел там остаться в после службы, да обстоятельства не позволили.

А что в захолустном Григорьевске? Безысходность, присущая всем райцентрам, у которых было светлое прошлое с градообразующими заводами да фабриками, а ныне всё исчезло. И настоящее, и будущее. Только имя красивое и осталось. При коммунистах говорили, что городок назван в честь Григорьева – вожака местных партизан. В гражданскую они освободили город от бандитов – колчаковцев раньше регулярных частей красной гвардии, и памятник партизанам в центре города не снесли даже, когда оголтело отрекались от советского прошлого. Новая легенда, не смотря на каменного революционера, застывшего с мосинкой в руке, утверждала, никакого храброго партизана не было, а благородные беляки ушли сами, не желая кровопролития и, в отличие от коммуняк, жалея местных жителей. Название же городу, и это немудрено, было дано в незапамятные времена по имени основателя – монаха Григория. При этом никто уже не помнил ни фамилии человека, ни того, была ли у него семья и как он выглядел. Не могли местные краеведы ответить и на главный вопрос, откуда и для чего уважаемый старец пожаловал в суровый край, где зима семь месяцев, а остальное – весна с осенью вперемешку. И сколько ни размышлял Олег о родном городе, а всё одно оставался уверенным, что назван он, всё-таки, в честь отважного красного партизана. В их школе даже его портрет висел, под которым гордых малышей – октябрят принимали в пионеры. И его, Олега Рассказова, тоже. Одним из первых за отличную учёбу и успехи в спорте да общественной жизни класса. Наравне со всеми он торжественно клялся, горячо любить Родину. Однако всё это было так давно, что и не стыдно признаться в нелюбви к Григорьевску с его разбитыми дорогами да облезлой краской на фасадах низеньких домов.

– Сколь уже? – громко спросил Олег.

– Короче, вы, товарищ младший лейтенант, пару минут назад спрашивали? – вынув наушники плеера, ответил с заднего сидения стажёр Славка Киреев. – Четверть шестого.

– Я про температуру, – ухмыльнулся Олег, довольный тем, что умело, как ему казалось, прикрыл свою скуку. Интересовался он, как раз, временем. Каждые пять минут. Жутко хотелось домой, к Люсе – лучшей жене, какая только бывает. Свадьбу сыграли больше год назад, по первому снежку да ласковому ещё морозцу. Не то, что теперь. Вон, как жарит.

– Короче, в новостях, товарищ младший лейтенант, только что передали, температура воздуха за бортом нашего драндулета минус тридцать четыре, – бодро отозвался Славка. – Аномальные холода опять, затянулись крещенские морозы...

– Сам ты драндулет. Это друг. Боевой, – обиженно проворчал с водительского места прапорщик милиции в расстегнутом бушлате.

– Слав, а что за дурацкая привычка, в каждую фразу слово короче вставлять? – усмехнулся Рассказов, не обращая внимания на шофёра. – Чего это у тебя там такое короткое, что ты об этом на каждом шагу поминаешь? Руки или ноги? Или ещё чего?

– Короче, не знаю, товарищ младший лейтенант, – беззаботно ответил стажёр. – Всегда так говорил. Вас раздражает?

– Раздражает меня, что выкаешь постоянно, – ответил старший экипажа, прикидывая, сколько метров от автомобиля до ближайшей урны, куда надо было бы пойти и выкинуть обертку от съеденного, да не хотелось вылезать из тёплого салона. – И хватит ко мне по званию обращаться. Не в армии. Зови по имени.

– Есть, товарищ младший лейтенант, называть вас по имени, – отчеканил Киреев.

– Тьфу, – выругался Рассказов.

– Оставь ты его в покое, Олег, – перебил водитель. – Растволкуй лучше, как это получается, что мужик изобрел лекарство от импотенции, а ему потенцию не дают, чтобы он продать его смог...

– Чего ему не дают? – перебил Олег, пристально глядя на прапорщика и с трудом сдерживая смех.

– Потенцию, – ответил тот, как ни в чём не бывало.

Первым расхохотался стажёр. Затем, пытаясь выговорить сквозь смех, не выдержал Олег:

– Патент. Понимаешь? Патент, а не потенцию...

– Короче, а чего это вы, товарищ прапорщик, так озабочены потенцией? Или всё, амба...

– А, ну вас, – пуще прежнего обиделся водитель. – Умные все стали, в начальники метют.

А вы, как я, девятнадцать годов и четыре месяца покатайтесь на этом ведре, которое старше меня, полежите под ним, поковыряйтесь с его внутренностями, когда из него валится всё к чертям. В дождь, в мороз. И посмотрим, что с вашей потенцией будет...

Прапорщик милиции закурил и только потом открыл форточку:

– У меня ребятишек трое, и внучка одна, и все при мне, и жена дома борщи варит, а у вас ещё никого нет...

– Я женат, – напомнил Олег. – И дочка растёт.

– Ага, – согласился водитель и упрямо продолжил. – Год всего, а, значит, не считается. Так что мне переживать нечего, жизнь не зря прожил. Теперь вы так сможете. А то взяли моду, один в школе милиции учится и другой лыжи туда же наострил, а рулить на этих корытах, наряды возить, не кому. Уйду вот на пенсию, посмотрю на вас, как запоёте, кто вас катать туда – сюда будет...

– Тебя не поймешь, – усмехнулся Рассказов. – То стажёра в ключья готов порвать, что машину драндулетом называет, то сам её ведром кличешь, корытом. И ты по старости лет забыл, машину эту получил три года назад, на площади у мэрии в день милиции, как один из лучших водителей отдела...

– Зато на той, что раньше была, больше пятнадцати оттарабанил честно, и не ныл, – философски протянул водитель. – Я так скажу, сопляки. Стажёр – это одно, а я – другое. Он без году неделя на службе, и, может, двух дней ещё не протянет. А я за рулем с того дня, когда он не родился ещё, а ты, Олег, мамкину сиську наяривал. Мне ругать можно, вам – нет. Это как про жену, сам ругаю, но пусть хоть кто про неё вякнет, задавлю...

– Короче, всё понятно с вашей потенцией, товарищ прапорщик, – опять расхохотался Киреев. – Коли к тачке, как к жене...

– Цыц, зелень, – водитель обернулся к стажёру и посмотрел в готовности испепелить одним взглядом, да помешал неприятно режущий слух треск радиостанции.

– Двести седьмой! Я – Центр! – напомнил о своём существовании далекий невидимый оперативный дежурный.

Осетин, о национальности которого никто бы и не догадался, не говори он об этом сам и без малейшего акцента. Ему в дежурке было хорошо, сухо и тепло, как на родине его дедов. Телевизор рядом и чайник с холодильником, а ещё кровать в комнате отдыха стояла. Но бойцов мобильного экипажа он, не задумываясь, выгонит на мороз. Вон как надрывается.

– Двести седьмой! Ответь Центру!

– На приём, – нехотя ответил Олег, поднеся микрофон к губам.

– Почему сразу не отвечаешь? Где находишься?

– Революции, пять, – нехотя ответил Олег и, пытаясь прогнать из засыпающего мозга отчаянно свербящие мысли: «Нет! Нет же! Утро! Конец смены скоро»!

– Дуй во двор тридцатого дома. Жильцы звонят, машина чужая раскачивается подозрительно и крики оттуда. Может, душат кого...

– А пэпсы уже сдались? – вмешался в эфир голос командира первого взвода старшего лейтенанта милиции Андропова, заступившего на сутки старшим второго экипажа. – Умеют вовремя слинять, бросив город на два наших экипажа и гайцев.

– Лёша, дорогой, не начинай. Графики несения службы подразделениями не я придумываю. Недоволен, иди завтра с утра к царю и выскажи ему...

– Апсахыч, чё ты сразу с козырей ходишь? Не пойду я к начальнику отдела, не дурак, предъявы ему кидать, – даже сквозь хрипы радиостанции угадывалась самодовольная ухмылка взводного. Андропову одному нравилось, как он шутил.

– А раз не дурак, то чего глупые вопросы задаёшь. Ты командир, а треплешься, как старуха на базаре. На всякий случай сообщаю, гаишники на аварии со смертельным, и кроме вас, Лёша, не кому. Если тебе полегчает, то пэпсы один экипаж оставили, но они двойную превенцию собирают, в микрахе муж за молоток схватился и предупредил жену, что достала его, и он её когда-нибудь кокнет.

Заставив Андропова ретироваться, строгий оперативный дежурный вновь обратился к Рассказову.

– Двести седьмой, как принял?

– Нормально принял. Лечу уже, – обреченно выдохнул Олег, надевая бронежилет.

– Рассказов, смотри, чтоб стажёр не лез вперед бабки в пекло, – напомнил далекий командир взвода. – Если что, кричи в рацию, подскочу...

Вместо ответа командиру Олег обернулся и внимательно посмотрел на Киреева.

– Короче, я понял, товарищ младший лейтенант, – убедительно пробурчал Славка.

Водитель, сноровисто застегнув бушлат и справившись с бронником быстрее старшего экипажа, уже вырулил с обочины на проезжую часть, не включив сигнал поворота, и с характерным звуком передвинул рычаг переключения скоростей с первой на вторую. На месте были через минуту – в три раза быстрее, чем того требовал приказ. Это же не мегаполис столичный, здесь и днём от силы машин сорок каталось туда – сюда, а ночью так и вовсе никого не было.

Двор с едва различимыми по его периметру единственными в Григорьевске многоэтажками, был тёмным. Новый район. В том смысле, что возвели его под занавес Советского Союза, и после в райцентре уже ничего не строили и не производили, а только продавали и перепродавали.

Кроме рёва двигателя отечественного внедорожника, ничто больше не нарушало ледяную тишину. В дальнем свете фар угадывалось невысокое строение детсада, окруженного металлическим забором. Ворота были распахнуты настежь, и меж створок раскачивалась жёлтая вазовская семерка. Подъехали близко, загородив единственный проезд, и глушить двигатель уазика водитель не стал. Рассказов вышел из машины, поправил шапку на голове и ремень укороченного калаша на плече. Попутно выкинув в сугроб смятую обёртку от хот-дога, милиционер зевнул и шагнул к раскачивающейся машине. Не обращая внимания на мороз, обжигавший лицо, Рассказов достал из кармана бушлата фонарик и попробовал заглянуть в салон

через правые стекла. Ничего не увидев, он хотел постучать по стеклу, но сдавленный звук изнутри, похожий на умоляющий: «Пусти», заставил сразу дёрнуть за ручку задней дверцы.

– Чё там, Олег?! – будто из другого мира донесся до Рассказова голос водителя экипажа, но младший лейтенант милиции не ответил.

Ноги. Нет. Колготки. Серые. Шерстяные. Неаккуратно сташенные до чёрных кожаных женских полусапожек. А между ними обнаженный мужской зад, ритмично двигающийся вниз – вверх, вниз – вверх. Ничего необычного, но тонкий, полный ужаса и мольбы, вопль, впере-мешку с неуёмным от безысходности плачем, недвусмысленно говорил, что, не говоря о любви, здесь и до обыкновенной симпатии было, как до Поднебесной в тапочках.

– Не надо! Пустите! Да, помогите же! – испуганно верещала женщина.

И вынырывающий из рукава полушубка, маленький, словно игрушечный, девичий кулачок бессильно, но исступленно колотил по огромной спине, обтянутой в чёрную кожанку над голым задом.

– Не надо! Пожалуйста, не надо!

А в ответ рык:

– Заткнись! Убью!

– Хватит, прошу вас!

– Закройся, тебе говорят, тварь!

Всё смешалось в голове милиционера: Вопли, плач, рык, стоны, мольбы, ноги, сапоги, кулачок, движения. И глаза. Огромные удивленные глаза из полумрака у противоположной дверцы автомобиля. Казалось, прошли часы, прежде чем Рассказов, прогнав оторопь, начал действовать. Но пронеслось лишь несколько секунд, и, неотрывно глядя в эти глаза, Олег схватился одной рукой за куртку, другой за спущенные джинсы и, со всей силы, рванул на себя. Резко развернувшись, он кинул насильника в сугроб.

– Славка, заходи с другой стороны! Там второй! – запыхавшись, прокричал Рассказов, позабыв, что стажёр абсолютно не защищен, но посмотреть, что происходит у Киреева, не мог.

Тот, которого Олег бесцеремонно вытащил из машины, уже выбрался из сугроба и, проворно натянув штаны, бесстрашно двинулся на милиционера:

– Ты чё, мусор?! Попутал?! А-а?! Те чё надо?!

Высокий, крупный, и лица его в темноте разглядеть было нельзя. Но вытаскивая его из тесного салона машины, тяжести Олег не почувствовал. Легко получилось. Также легко, как дать по морде ублюдка в один щелчок откинутым прикладом автомата, мгновенно сорванного с плеча, когда тот, не слушая строгого предупреждения, занёс кулак для удара.

– Стой, где стоишь! Милиция! – и удар, чёткий, глухой.

Остановиться, как требовал Олег, у подонка не получилось, и он всей массой плюхнулся в сугроб. Злобно рыча, замотал головой, но нашёл в себе силы подняться и снова попёр на младшего лейтенанта милиции:

– Тебе кранты, урод!

– Не дергайся! – стараясь унять волнение, громко и как можно строже предупредил Олег, машинально щёлкнув вниз скобой предохранителя. – Завалю!

– Э-э... Ты чё, командир!? Ну, чё ты!? – опасливо глядя на вороненый ствол автомата, задержанный остановился и больше не пугал, а старался показаться своим, успокаивая противника. – Мы дружим! Это девушка моя...

– Обалденно вы тут дружите! – удивившись наглости противника, громко перебил младший лейтенант милиции. – Один держит, другой насилует, а она визжит, вырывается, убежать хочет! Такой дружбы я ещё не видел!

– Кто кого насилует? Дружим, говорю, – невозмутимо повторил задержанный и, не глядя на девушку, прокричал. – Юль, скажи...

– Я не Юля, – всхлипывая, ответила потерпевшая. – Я от подруги шла, они меня в машину затолкали, и сюда...

– Оп, перепутал чутка. Не убивать же меня за это, – оскалился задержанный и уверенно прокричал. – Дала-то сама! Да?! Как тебя там, эй?!

– Нет! Я не сама! Они силой! – по-прежнему всхлипывала девушка.

– Какой силой?! Гонишь, овца! – парировал другой задержанный. – Сама села к нам!

– Давай так, командир, мы ща всё порешаем, – убедительно заговорил противник. – Тебе с пацанами твоими чё, сколь надо?

– В отдел проедем, там и, – договорить Рассказов не успел и невольно обернулся на грозный окрик стажёра.

– Короче, стой на месте!

– На каком месте!? Ты кто такой!?

Второй насильник уверенно шагнул к сжавшейся в испуге потерпевшей, но Киреев преградил ему путь и получил кулаком в лицо. Сгруппировавшись, Славка попробовал ударить в ответ. Не получилось, задержанный уклонился в сторону и толкнул стажёра в грудь. Киреев упал, и Олег рванул было к нему на помощь, но водитель экипажа опередил. Наплевав, что не имеет права, покидать служебную машину, оставляя незапертой, прапорщик милиции резво спрыгнул со своего места. Мгновение и насильник, заскулив от боли да прикрыв ладонью правое ухо, присел на корточки рядом с поднявшимся уже стажёром. Массивный кулак шофёра российской милиции – вещь убойная. Еще миг, и руки дерзнувшего оказать неповиновение, были скованы наручниками за его же спиной.

– Ослабь, слышь, – заныл задержанный. – Туго, руки затекут.

– Не сдохнешь, – буднично ответил водитель. – Не надо было рыпаться.

– Да, кто рыпался?

– Рот закрой, пока по второму уху не получил, – предупредил прапорщик милиции.

Убедившись, что второй преступник обезврежен, Олег вспомнил о первом задержанном. Обернулся, но рядом его не увидел. Панический взгляд по сторонам. Нашёл. Плохо различимая в сумраке фигура человека перелезала через невысокий забор.

– Стой! Стрелять буду! – закричал Рассказов и погнался вслед за убегающим.

Поскользнувшись на очищенной дорожке детсадовского двора и едва не упав, Олег упёрся в толстые прутья забора, уже преодоленного задержанным. На полминутки отвлекся милиционер, и неприятный результат не заставил себя ждать. Поставив на предохранитель и вернув оружие за спину, Рассказов перебрался через забор и оказался по пояс в снегу, но преследуемый был уже далеко. Догнать можно было, да не позволял белый холодный наст между ними. Высоко поднимая ноги и вновь опуская их в снег, Олег тяжело шёл следом за насильником, стараясь не потерять его из виду. Бронник с невероятной тяжестью давил на плечи и как никогда мешал болтающийся за спиной «калаш». Дыхание сбилось, изо рта, как из печной трубы, валил густой пар. Но останавливаться Рассказов и не думал, всё тише и тише повторяя:

– Стой! Стрелять буду!

Расстояние между ними не сокращалось и не увеличивалось, и это означало одно, – убегающий тоже выдыхается. Того и гляди, остановится и сдастся на милость настёрного мента. Во всяком случае, младший лейтенант милиции хотел в это верить. Но противник упрямо полз через сугробы, оглядываясь на преследователя и не слушая окрики. Заснеженное препятствие шагов в сто насильник преодолел первым и почти выполз на ровную дорожку в соседнем дворе.

«Всё!» – понял Олег, запыхавшись и нащупывая автомат за спиной. Несмотря на мороз, было жарко от понимания того, что придётся стрелять. Но, решиться на такой шаг милиционер не мог, опасаясь возможности попасть не в преступника, а по окнам жилых домов. Там люди спят! В висках бешено колотилось давление, сердце грозило выпрыгнуть из груди и больше не вернуться. Правильно, зачем оно ему, если он может безжалостно убить мирно спящих

людей? Ну, какой дурак придумал квартиры на первых этажах?! Нет! Стрелять нельзя! Отчаяние! Досада! Злость! Снова всё перемешалось в голове Рассказова в те растянувшиеся до нескольких часов мгновения, что он преодолевал последние метры глубокого сугроба. Скинув-таки бронезилет, но, не выпуская из рук автомат, Рассказов выбрался на тропинку и с мыслью: «Будь, как будет», облегченно выдохнул. Вновь опустив скобу предохранителя, Олег передернул затвор и прицелился. Убегавший, словно почувствовав, что следующий его шаг завершит его же драгоценную жизнь, внезапно остановился и, согнувшись, приложил ладонь руки к груди. Он был совсем рядом и смотрел на милиционера. Тот, кому Олег пообещал, что никогда не заберет чужую жизнь, напоминал его клятву затравленным взором преследуемого: «Не убий». Убедив себя, что взял в гонке верх, Рассказов опустил автомат, и насильник рванул бежать с новой прытью. К ближайшей крепко спящей пятиэтажке. Опять закинув за спину калаш, побегал и Олег. Превозмогая себя. Но бежали недолго. Преследуемый, оборачивая испуганное лицо и держась за грудь, устал и, сменив бег на шаг, уже еле шёл. Из его открытого рта тоже вырывался пар. И, приближаясь к внезапно остановившемуся противнику, Рассказов видел, как тот, не справившись с кодом массивной железной двери одного из подъездов, обречённо прижался к ней спиной и решительно выставил нож:

– Уйди...

– Убери, – прохрипел Рассказов, ощущая, что не может не идти дальше, и вот – вот сам наденется на клинок, будто шашлык на шампур.

Шаг! Второй! Ещё! Всё!

Последнее, что младший лейтенант милиции видел осознанно, тень, молниеносно скользнувшую от угла дома вдоль стены к насильнику, невидящему ничего и никого, кроме надвигающегося на него Рассказова. А последнее, что слышал, – звук упавшего наземь металла. Словно во сне, преступник осел на припорошенную снегом бетонную площадку перед подъездом. Визжа благим матом, он пытался закрыться руками от стремительных пинков по всему телу.

– Олег, браслеты! – кричала тень голосом водителя экипажа.

Протянув наручники прапорщику милиции, Рассказов сидел на корточках и недоуменно смотрел то на окровавленное лицо избитого насильника, то на милиционера, который нещадно пинал того, а теперь, степенно, как подковывая коня, надевал на оголенные запястья оковы. Задержанный клялся, всё решит, проблем ни у кого не будет, плакал и умолял, чтобы его отпустили, не оформляя вооруженное сопротивление. Но Рассказову не было его жалко. Нож, которым ещё мгновение назад должен был быть вспорот живот младшего лейтенанта милиции, лежал у его ног, туго зашнурованных в новенькие берцы, и никому уже не был опасен.

Отдышавшись и почувствовав, что начинает замерзать, Олег прошел по следам в глубоком сугробе, поднял бронник. Вернувшись в машину, откинулся в кресле и, закурив, прикрыл отяжелевшие веки. Начинался новый день, полный всякого, и Рассказов никак не мог понять, когда в зимнем дворе собралось столько милицейского люду. И где все они были, пока он из последних сил гнал зверя? Женщины – следователь и эксперт-криминалист, закутавшись в бушлаты и шапки так, что были видны только глаза, приступили к осмотру места происшествия. Пожилой уставший участковый, обреченно уговаривал спешащего на работу прохожего, побыть понятым. Первым подоспел экипаж Андропова. Конечно, где это было видано, чтобы комвзвода не принимал участие в задержании. Даже если и не принимал, все равно жена из отдела по связям с общественностью, напишет, был. К вечеру в местной газете будет статья, как старший лейтенант милиции Андронов Алексей Ильич героически раскрыл преступление и повязал сволоту. Жалко, не судья, а то и посадил бы сразу. На пожизненное. Лёха – справедливый, все знают, даже те, кто реально задерживали преступников, но в газетах о них не писали.

Олег взглянул на водителя. Прапорщик милиции сидел за рулем и, тоже попыхивая папирсой, читал газету, не придавая значения случившемуся.

– Спасибо, – прошептал Рассказов, но шофёр не отреагировал.

Не было ничего, и не о чем говорить. Будни милицейские. Вернее, ночи. Киреев возвращаться в теплый салон не спешил и с интересом наблюдал за работой следственно-оперативной группы. «Нет, этот не на два дня. Он с нами навсегда. Ему интересно», – тепло подумал Олег о стажёре и, открыв дверь, крикнул:

– Славка! Давай сюда! Дуба дашь!

– Короче, иду! – отозвался парень и, сунув замёрзшие руки в карманы куртки, трусцой посеменил к машине. Но первыми подошли оперативники. Оставив одного задержанного в своих «Жигулях», они, не церемонясь, затолкали на заднее сидение милицейского внедорожника того, которого преследовал Рассказов.

– Олег, везите это чмо в отдел, – приказал заместитель начальника районного уголовного розыска.

Старший экипажа, молча, кивнул и пересел с переднего сидения на заднее. С другой стороны влез Киреев и зажатый между ними задержанный не шевелился. Захотел бы, а не смог бы сбежать. Руки его были в наручниках за сгорбленной спиной. С лица капала кровь. Толи из носа, толи с губы, толи с брови. В темноте было невидно.

– Мы позже подъедем, потолкуем с ним, – предупредил один из оперов. – Он ещё пожалеет, собака, что на свет появился.

– Рапорты не забудьте, Олег, – напомнил заместитель начальника уголовки.

Рассказов, ясно представляя, что ждёт задержанного в кабинетах уголовного розыска, не ответил и захлопнул дверцу. Всё верно. Никому не дозволено обижать женщин. Без них не будет рода людского. Самец кормит, охраняет, учит, но вынашивает и рождает самка. Она – начало всего. И потому можно принять доводы вора и даже убийцы. Не оправдать, но понять и так всё выставить, что прокурор запросит у суда меньший срок, чем мог. И лишь педофила да насильника понять нельзя. Ни при каких обстоятельствах. Самое святое, что было, есть и будет у нормальных мужчин – женщины и дети. Ради них они не раз за историю существования своего пола шли на верную смерть и умирали с именами любимых на устах. Тех, которые дали ему всё, а, главное, продолжение рода, веру в то, что всё было не зря и после них тоже будет, а потому и уходить из этого Мира не так страшно, и пускай совсем чуточку, но легче. И разве мужик, коли бабу уговорить не может да берет её силой?

Взглянув на оперскую и дежурную машины, где сыщики уже по раздельности опрашивали потерпевшую и второго подозреваемого, из которого будут лепить стопроцентного свидетеля, Олег с неожиданно возникшей жалостью посмотрел на того, кого ещё полчаса назад был готов растерзать. Долго будет сидеть, и бить за совершённое его будут не раз. Злыдней писюкатых, как шутливо называли в обществе насильников и остальных, кто с членом своим не дружит, не любили не только среди обычных людей, но презирали и в местах не столь отдалённых. Откинется такой вот злодей и не сможет понтануться перед подростками, как сидельцы это любят: «Да, вы чё, пацаны, в натуре, я же вчера с зоны. Семь лет топтал. Тюрьма – дом, а здесь в гостях, бродяга я по жизни, и каждый уважающий себя пацан должен быть бродягой. Не верь, не бойся, не проси».

Олег вновь окинул задержанного взглядом. Тот продолжал молчать, толи ещё отходя от бешеной гонки, толи уже гоня мысли, что делать и как выкручиваться из сложившейся ситуации. Сколько ему? Лет двадцать, не больше. Уткнувшись лбом в спинку водительского кресла, он не подавал признаков жизни. О чём он думал? Понимал ли, что натворил? Осознавал ли, через что ему предстоит пройти? Боялся ли этого? Или ему было всё равно?

– Приехали, – водитель остановил машину у крыльца отдела и посмотрел на вышедших пассажиров. – Олег, недолго. Как человека прошу. Мы свое сделали, дальше пусть уголовка шевелится.

В дежурной части насильник, которому Рассказов грубо приказал встать лицом к стене, не вызвал интереса только у старого осетина – оперативного дежурного с майорскими погонами на покатых плечах. Остальные изучали новичка с любопытством. Особенно многочисленные обитатели камер административно задержанных.

– Глянь, что с человеком сделали, – послышался шёпот.

– Уроды, а не милиция...

– Тихо там, а то выгоню на мороз, снег чистить, – буднично скомандовал оперативный дежурный. – Олег, рапорт пиши, кто доставлен, за что. И стажёр пусть пишет...

– Чё ты зыришь, мусор?! – насильник неожиданно развернулся и злобно прорычал разглядывавшему его толстому помощнику оперативного дежурного. – Воды дай, в глотке пересохло и харю умыть.

– Ты совсем страх потерял, придурок? – опешил помдеж. – Ты как разговариваешь? Мало тебе дали?

– Иди ты, – огрызнулся задержанный. – Ты дал? Лох. Сидишь тут, ряху нажрал на мои налоги... Кранты вам всем, уроды...

– Воды тебе, сука?! – мозг Олега готов был взорваться.

Неожиданно узнав задержанного, он настолько опешил, что, не помня себя, схватил со стола дежурного пластиковую бутылку, до половины наполненную водой, и стал бить ребристым дном по голове насильника. – На тебе воды! На, сука!

Задержанный, злобно рыча и мотая разбитой головой, тщётно пытался уклониться от ударов. Кровь с обезображенного лица капала на чистый пол.

– Имя?! Имя и фамилия?! – вне себя от ярости требовал Олег. – Быстро! Ну!

– Какого чёрта творишь, Рассказов?! – оперативный дежурный попробовал выхватить бутылку из руки Олега.

Милиционер размахивал импровизированным оружием, как рыцарь – крестоносец, окруженный турками – сельджуками, и не видел, не слышал вокруг ничего, кроме одного. Перед ним снова был он! Лежал на полу и не подавал признаков жизни. А вокруг кровь. Ненавистная кровь врага.

Бутылку, всё-таки, забрали. Помдеж обхватил сзади, а Киреев изловчился и перехватил руку. Предатель. Оперативный дежурный одной рукой выкрутил Олегу кисть, другой спокойно взял бутылку из разжавшихся пальцев, и, вернув её на стол, неожиданно шлёпнул Рассказова ладонью по щеке.

– Уймись. Ты офицер милиции или кто? – произнёс он равнодушно. – Твои эмоции никому не интересны.

Задержанный лежал вниз лицом и не подавал признаков жизни. Помдеж подошёл к нему, присел на корточки, осторожно потрогал и заголосил:

– Ты что наделал?! Ты понимаешь! Ты же завалил его! Он кони двинул! Ты идиот, Рассказов!

Оперативный дежурный тоже нагнулся над лежащим, снял наручники и пощупал запястье:

– Пульс есть.

– Скорую надо вызывать, – неуверенно предложил помдеж.

– Обожди, – отмахнулся оперативный дежурный. – Врачей тут теперь и не хватает только, чтобы они сообщили, куда не надо.

– Ну, не добивать же его теперь, – обескуражено произнёс толстячок.

– Обожди, говорят тебе, – спокойно повторил старый осетин.

Находившиеся в камерах молчали и каждый раз, как на них оглядывался кто-либо из ментов, отворачивали лица, пряча ошалевший взор. Олег сел на стул и, не пытаясь оправдаться, безразлично произнес:

– Это Добреев Руслан Сергеевич.

– И что? – оперативный дежурный через окошко увидел вернувшихся оперативников.

– Чего это он у вас тут отдыхает? – шутливо возмутился заместитель начальника уголовного розыска, зайдя в помещение дежурки.

Майор милиции осторожно приподнял голову задержанного, легонько похлопал его по щекам и беспомощно посмотрел на сыщика:

– Вот, Олежек расстарался. И что на него нашло? В жизни за ним такого не водилось, добрее доброго же.

– Пустяки, – ухмыльнулся заместитель начальника уголовки, пнув лежащего в бок. – Вставай, чума, будет прикидываться, не проканаает. Разговор к тебе есть.

Задержанный, кричтя от боли, с трудом сел и прислонившись к стене, внимательно посмотрел на Олега. Осторожно размазывая по лицу кровь, он отчетливо, вложив всю ненависть в свои слова, проговорил:

– Тебе кранты, мусор. Я тебя запомнил...

– А я тебя и не забывал, – огрызнулся Рассказов и спросил у коллег. – Вы Тропарева с Семёновым помните?

– Пэпээсники? – уточнил оперативный дежурный. – Помним...

– А это тот, из-за кого они сидят, – кивнул Рассказов в сторону Добреева.

– Они уже на свободе, – поправил заместитель начальника уголовки. – Им по шесть с чем-то давали, вышли на условно-досрочное, всё у них норм. Живут, как белые люди, не то, что мы...

– Не важно, – парировал Олег.

– Важно, – перебил Добреев, усмехнувшись, и попытался подняться на ноги. – Ты не выйдешь, отвечаю. Я тебя по полной укатаю. Зря тогда с мамой пожалели тебя...

– Не ты жалел, а твой отец, – напомнил младший лейтенант милиции. – Сам без него что можешь?

– Узнаешь, – уверенно произнес задержанный, сумев подняться. – А отец мне до одного места. Он такой же гад, как и вы все. Правильный типа, на мать всё кричал, что она мешает ему меня воспитывать, учить, отвечать за свои поступки, а сам с другой сучкой связался. С молодой. И ладно бы, он одну мать предал. Чёрт с ними, с обоими. Но он и меня тоже киднул, когда стал с вами решать, а обещал, когда уходил от матери, что всегда будет за меня, на моей стороне, что дороже меня у него никого нет. И он всех вас должен был попересажать, но испарился, и за него всё сделала мама.

– Много болтаешь! – сделал замечание заместитель начальника уголовки.

Взяв задержанного за шиворот, он грубо развернул его спиной к себе и пнул в мягкое место:

– Шагай, мразота.

– Я и тебя посажу, начальник, – огрызнулся Добреев, выходя из дежурной части.

– Шагай, говорю, – усмехнулся заместитель начальника уголовного розыска, выходя следом за задержанным. – Сколько таких сажателей было, и все сидят, а я как начал вас, гнид, с девяностого, давить, так давить и продолжаю, и дальше буду, и можешь быть совершенно спокоен за своё незавидное будущее...

На несколько минут в дежурке воцарилась напряжённая тишина. Оперативный дежурный вернулся на своё место и нажал кнопку на пульте:

– Всем нарядам и экипажам, доложить обстановку на маршрутах. Чего притихли? Спите?

Не слушая моментальных ответов, кто, где и чем занимается, старый осетин развернулся и внимательно посмотрел на Рассказова:

– Рапорт пиши, Олег, а то этот, – майор милиции, нехотя склонился обратно к пульту. – Почему задержанных не вижу? Клетки пустые. Или у нас все законопослушными стали? И что, что утро? Аах, все спят, даже самые отъявленные. Только царь не поверит и оставит всех на вторые сутки, пока план по административке не выполните...

– Ты забыл, Апсахыч, мы преступление сегодня раскрыли, – послышался сквозь помехи голос Андропова.

– Нет, Лёша, дорогой, преступление раскрыли опера, это их прямая обязанность, а вы содействовали им в задержании и не более, и ваша прямая обязанность, выявление административных правонарушений...

– Моя прямая обязанность, охрана имущества граждан, незамедлительный выезд на сработавшую сигнализацию и тревожную кнопку, а не за пэпэсов пьянь всякую по подворотням собирать...

– Аа, так ты у нас элита. Ну, так вот пока не сработала нигде сигналка, делай то, что я говорю. Развёл бардак, с дежурным по городу споришь. Утром доложу о твоём поведении царю, надоело указывать тебе на твоё место, пускай он сам попробует, у него лучше получится...

При упоминании начальника отдела, Андронов смолк.

– И ты, стажёр, тоже рапорт пиши, – приказал оперативный дежурный Славке, даже не взглянув на него. – Чтобы Добреев этот и в самом деле вас не посадил. Семёнов и Тропарев сели, потому что рапорты о происшествии не составили, как положено, сразу, а потом было поздно, завертелось...

В дежурную часть вошёл водитель экипажа:

– Олег, я же тебя, как человека, просил, быстрее. Чего ты тут расписываешь уже целый час?

Глава 3. «Временно исполняющий обязанности»

(июнь 2015 года, полиция)

Вячеслав Николаевич Киреев тоже удивился встрече с бывшим наставником, если не сказать большего. Но, в отличие от Олега, виду не показал. По чину не положено. Как – никак, а почти руководитель одного из ведущих отделов регионального управления уголовного розыска. И теперь, усевшись в мягкое кресло за большим столом в просторном светлом кабинете, Киреев размышлял над сложившейся ситуацией.

Справку о проделанной работе Рассказов прислал. Составлена грамотно, не придерёшься. Киреев даже не стал переделывать её под себя, как это делали все ответственные перед докладом начальнику полиции по ситуации в дежурные сутки. И последний лист Вячеслав Николаевич распечатал только для того, чтобы поменять подпись Рассказова на свою. Документ, подписанный районным опером, а не тем, кто пришёл с докладом, – это тоже нарушение субординации. Старшего лейтенанта полиции Рассказова Олега Леонидовича, генерал, которого все зовут папой, знать не знает, и знать не хочет, – пешка ферзю неинтересна. А вот он, Киреев Вячеслав Николаевич, капитан полиции, тридцати лет от роду, теперь на заметке. Пройдёт немного времени, и генерал должен будет решить, оставлять Киреева в должности начальника убойного отдела главка без длинных, как дождевой червь, слов «временно исполняющий обязанности» или искать другого кандидата на столь важный пост. Так или иначе, а хотел Слава или нет, но он уже был не пешкой, а, как минимум, лошадю.

Справкой генерал остался доволен. Вроде бы. На лице второго по значимости человека в областной полиции никогда никаких эмоций не было, и даже кричал он, если ему что-то было не по нраву, как-то не по-настоящему, не страшно. Впрочем, может, все попросту привыкли к его крикам, и за погонами с огромной звездой не замечали, что человек и в самом деле расстроен, а то и зол.

А Рассказов – молодец. Не подвёл. Даже то, что не смог раскрыть в дежурные сутки, уже к обеду раскрыли его коллеги. И второго подозреваемого в причинении тяжкого вреда здоровью задержали, и угонщика старой тойоты поймали. Грабёж только нераскрытым остался.

В институте МВД РФ, на заочном отделении, где Киреев в отличники не стремился, но учился лучше, чем среднестатистически, как об оценке «удовлетворительно» любил говорить препод по гражданскому праву, была забавная преподаватель криминалистики. Отпахав в районном следствии лет тридцать, она при каждом удобном случае любила повторять слушателям:

– Успех работы по любому уголовному делу зависит от того, насколько правильно и дотошно будет собран первоначальный материал проверки по сообщению о преступлении. Статистика уверяет, наибольший процент совершённых преступлений раскрывается по горячим следам. А это что значит? Правильно, друзья мои, следователи, оперативники и криминалисты, это значит, всё в ваших руках. И помните, не раскрываемых преступлений не бывает. Бывают ленивые, торопливые и невнимательные сотрудники в дежурных следственно-оперативных группах, невидящие, что происходит у них под носом. И из-за таких работников их коллегам, которые уже утром примут к производству новое дело, необходимо будет догонять вчерашний день. Они вынуждены заново проводить все мероприятия, которые должен был провести дежурный следователь или опер, переопрашивать очевидцев, выезжать на место происшествия в поисках улик, которые уже могут быть утрачены. Словом, все вы из-за таких ваших коллег вынуждены бездарно тратить самое драгоценное, что есть в нашей работе, – время. Да, друзья мои, время. Чем больше времени пройдёт, тем меньше шансов на удачное завершение дела. Я знаю, что вы на это скажете. Да, бывает, что неожиданно поступает информация по двадцатилетнему делу, и вот уже удачное раскрытие преступления прошлых лет, что

статистика тоже учитывает, и это тоже идет плюсом в ваши послужные списки, друзья мои, но это редкость. А вот плачевная ежедневность как раз в том, что из-за нерадивого дежурного коллеги, который уже сладко спит дома, вам всем приходится по десять раз переделывать одно и то же. Динамики расследования нет, топчетесь на одном месте, как щенки – однодневки и терпите, пока ваши бесценные нервы на кулак вашего начальника наматываются. Но может быть и по-другому. Да – да, может. Ибо улики изначально есть всегда. Это аксиома. Тщательно спланированные преступления – кино. Кто не согласен, поднимите руки и ответьте, сколько заказных убийств раскрыли?

Никто не шелохнулся, и преподаватель увлечённо продолжала:

– И мы с вами знаем, друзья мои, что абсолютное большинство преступлений, даже так или иначе спланированных, носят спонтанный характер. Спросите любого грабителя, знал ли он о том, что совершит преступление за пять минут до того. Не знал. Да, он вышел на улицу именно с целью ограбить, даже занял позицию у аптеки или у магазина, присматривая жертву, но это не говорит о том, что он знал, что точно ограбит. Он мог никого и не ограбить, не его день. То есть, он лишь предполагал, что совершит, пускай даже с высокой долей вероятности, но деталей, где, как, кого, и куда будет убегать, не знал. Грабители, вообще, зачастую работают на удачу, а потому всегда оставляют улики на месте происшествия, которые вы обязаны найти в первые часы расследования. Это прямая задача дежурных следственно-оперативных групп. То же самое с кражами, угонами и другими видами преступлений.

Нашёлся смельчак. Возразил, вспомнив о мошенничествах. Уж разгоны каждый раз планируются тщательно, но и здесь преподаватель осталась при своём мнении, а слушатель быстро ретировался, понимая, что никому не хочется, дабы лекция в душном помещении затянулась. Заочники, и сессия была лишним отпуском в году. Учебники и тетради в пыльный шкаф съёмной комнаты в коммуналке и в ночной клуб: пиво, водочка, кальянчик, стриптиз и очередная красotka. Горячая и страстная до дрожи, но лица её через день и не вспомнишь, выискивая в другом ночном клубе новую любовь лишь на одну ночь. А сессия? Сессия сдастся. С божьей помощью. Как говорил Глеб Жеглов: «когда живые дела разбираешь, учёба легче идёт». У Киреева таких дел было в избытке, и на лекциях он откровенно скучал. К тому же неутомная преподаватель криминалистики говорила всегда длинно, и Киреев после лекций не раз обсуждал с одногруппниками её слова. И они всякий раз приходили к единому знаменателю. Хорошо козырять безупречным знанием теории, стоя за трибуной в тёплой аудитории, да ещё с перерывом на обед. А вот её туда бы, в район. И не когда она служила, а преступлений было от силы два за сутки, и нескольких обиженных, обворованных да ограбленных, вовсе можно было отправить, куда подальше, не принимая у них заявлений по самым разным причинам. А теперь, когда сигналы о различных происшествиях сыпались оперативному дежурному, будто грибы из лукошка удачливого грибника. И с каждым таким грибом нужно было разбираться, – съедят или отравятся, в том смысле, сразу раскроют или всё, очередной глухарь и вечные заслушивания по делу у руководства, напоминавшие Кирееву своей тоской прокисшее молоко. Всё об одном да потому же. Из раза в раз. И начальники тоже взывали к совести, почему не сумели размотать по «горячим следам»? Видно же из материалов дела, что проще простого было, но нет, опять умудрились сами себе затянуть петлю на шее.

А проблема была, как раз, в том, что пока возишься на одном месте происшествия, во все детали вникаешь, слушаешь всех, даже не имеющих существенной информации о событии, тебе ещё пять заявок прилетает. Прямо, как смски. Блям, блям. И везде люди ждут. Оперативный дежурный в трубку верещит, когда группа соизволит явиться на новое место происшествия и какой матери ради застряла на старом? Вот, как хочешь, так и вертись, хоть десять суточных дежурных групп на район создавай, было бы из кого, всё одно бестолку, везде не успеть. Народ, как с цепи сорвался и звонил на «02» по каждому пустяку. Рискни не выслушать его и не отреагировать. И ни о какой дотошности говорить уже не приходилось. Коллеги,

кому утром начальник отпишет новый материал, куцый, сырой, поматерятся на отдежурившую группу и сами все пробелы восполнят, не треснут. Или треснут – у них, кроме нового материала, сколько ещё? По пятьдесят дел на каждого, а то и больше. И во всех необходимо было опросить сотни людей, провести десятки следственных и оперативно-розыскных мероприятий. Когда? И кем? В общем, не рабочая Ваша теория, товарищ преподаватель криминалистики.

И не желая и дальше оставаться белкой в колесе, Киреев, получив неожиданное приглашение в городское полицейское управление из райотдела, а ещё через месяц, в главк, не раздумывал ни секунды. Согласился даже раньше, чем закончил формулировать предложение старший опер из убойки областного управления, приехавший проверять оперативные дела, но не особо-то усердствовавший и выпивший полбанки кофе вприкуску с печением. Сдержанным ответом Киреева собеседник остался и доволен, и нет. Расписываясь в листе ознакомления с одним из многочисленных дел, он так и сказал: «Схватываешь на лету, моментально принимаешь единственно верное решение, и это кул, но не уметь дослушать, – есть зашквар, народ агриться будет».

Новый напарник Киреева, в свои сорок с гаком изо всех сил стремился говорить с молодёжью на одном языке, понимать, и чтобы они понимали его. Не получилось, и однажды ночью, несколько пьяных подростков запинали его до смерти, когда, будучи на выходном, он вышел сделать им замечание, что сильно шумят во дворе. Удостоверение не показывал и о том, что сотрудник полиции не предупредил. Их поймали на следующий день, вычислили по видеоролику в интернете, какие они крутые, мужика долбят, и одному впаяли реальный срок, а остальным, учитывая молодые годы, да не желая ломать жизу, наказание было условным. Толку-то?

Заняв должность погибшего товарища, Киреев надолго остался единственным исполнителем в отделе. Начальников было много, а вкальвал он один. Нет, и начальник отдела, и заместитель того помогали новенькому, но это было, что мёртвому припарки. И очень скоро Слава пожалел, что ушёл из района. Там работы больше и сотрудников мало, но не он один, когда уже только поэтому на виду у всех и не затеряешься. Вот уж точно, подальше от начальства, поближе к кухне. Жаль, не сразу понял эту мудрость, но менять обратно было поздно, ибо он стал лицом, приближённым к императору, что звучало великолепно, и можно было бы позавидовать, да не говорило, что с него с первого император голову и снимет, коли чего не так. Так было во все времена, а потому каждый должен оставаться на своём месте. И Вячеслав Николаевич чувствовал, что то, чем он занимается, не его, да отступать было не куда, терять главковский оклад не хотелось. Ипотека, дорогая тачка в кредит.

Зато Олег Рассказов, судя по всему, находился там, где ему и должно было быть. Молодец, ничего не скажешь. Дело своё знает. Перечитав его справку, Киреев подшил её в толстенную папку – накопитель по всем дежурным суткам. Таких папок имелось несколько, и в них навсегда остались позабытыми справки даже семи, а то и восьмилетней давности. Мало ли, пригодятся. Начальник полиции в области – один, а полицейских самых разных подразделений уйма, и помнить наизусть дела каждого, с катушек слетишь. Поэтому справочки о проделанной работе пусть лежат. Есть да пить, как говорится, они не просили, а пользу временно исполняющему обязанности начальника убойного отдела принести могли, если вдруг он окажется не готовым подробно ответить на неожиданной вопрос руководства: «А помнишь? И что там? Чего наработали? Через двадцать минут обзорную справку мне на стол».

Хотя, иной раз Киреев всерьёз подумывал, что папа – точно робот. Генерал раньше всех приходил на службу, позже всех уходил, и абсолютно всё про всех знал и помнил. Понять, как шестидесятилетнему человеку это удавалось, Вячеслав Николаевич Киреев, и с отделом-то справлявшийся не важно, понять был не в состоянии. Эх, людей в отдел побольше бы, вот тогда Киреев развернулся бы и весь уголовный мир их области поставил бы на колени. Ну, как Шилов из «Ментовских войн», которые Вячеслав Николаевич любил пересматривать в редкие свободные вечера. А то, что за безобразия? Пять отделений в подчинении: по раскрытию ква-

лифицированных убийств, по раскрытию преступлений против половой неприкосновенности, по раскрытию тяжких и особо тяжких преступлений прошлых лет, по раскрытию преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, а людей у Вячеслава Николаевича по пальцам сосчитать – девять человек, не считая его. И заместителя нет. Всё приходилось делать самому. На квалифицированных убийствах, вообще, один Боря Буке остался. Сам себе начальник, сам себе подчинённый. На три года моложе его, Киреева. Что может? Ничего, кроме как гонор показывать. Раньше в главках мужики сорокалетние работали, умудрённые опытом оперативной работы, раскрывшие в лихих девяностых ни одно тяжкое преступление. А теперь? Пацанва. К последним Киреев, не смотря на свой возраст, себя не относил. Совсем уж откровенно глупых юнцов временно исполняющими обязанности не назначали. Бориса же не назначили, хоть и подавал надежды. И Василия Колотова из отделения по стволам тоже не назначили, а он на целый год был старше Славы, и работал в главке дольше. Впрочем, Колотов сам отказался от такой чести, – опером ему было проще, спрос меньше. Так были ещё сотрудники в отделе, а назначили его, Славку Киреева. Значит, был он уже не мальчиком, но мужем.

В дверь робко постучали, и в кабинете возник Буке.

– Ты чего тут, Николаич? Ты же после суток?

– Короче, совещание было по нераскрытым прошлых лет. Был бы у меня заместитель, его бы отправил, а так самому приходится. Реально чуть не уснул там, да папа так блажил, всех святых вспоминал, что и глазом моргнуть было страшно.

– Аа, – многозначительно протянул Борис. – А я думал, ты ушёл.

– Короче, зачем стучал, если думал? – ухмыльнулся Киреев.

– Ну, так, на всякий пожарный, – нисколько не смутился подчинённый. – А вдруг ты здесь ещё. Плох тот опер, который не проверяет, а потом не перепроверяет...

– Короче, не умничай, – отмахнулся Киреев. – Говори, что у тебя?

– Задание на наружку, – опер протянул формализованный бланк, заполненный неаккуратным почерком, и к нему справку с пояснениями о необходимости проведения мероприятия.

– Короче, по кому? – ни сил, ни желания читать у Киреева не было.

– По двойному убою на улице Сухова, на внука убитых стариков.

– Короче, всё-таки, его подозреваешь, – вспомнил Киреев о деле.

– А больше некого, Николаич, – ответил Борис без тени сомнения. – Наркот, игровой, ему бабосы нужны всегда и много, а где их...

– Короче, не факт, – не согласился Вячеслав Николаевич. – Мог и на гоп-стоп.

– Я тебя умоляю, ссыкливый он. И сколько бы он взял на гоп-стопе, ещё неизвестно. А тут гарантированный результат. Да, и уличные наряды могли слатошить его...

– Короче, город пустой, по одному экипажу на район, людей нет ни в одной службе. В Григорьевске в три раза больше нарядов выходило, а это райцентр занюханный был, а не город областного значения.

– Аай, я тебя умоляю, Николаич, когда было? – Борис аж негромко присвистнул. – Сейчас там вовсе ни одного мента не осталось. Кому они нужны, райцентры эти? Люди из них бегут. Скоро как в кино про Чернобыль будет.

– Короче, не умничай, – повторил Киреев и, пододвинув Борису документы, встал из-за стола. – Убивать зачем, тем более родных бабку с дедом? Сам говоришь, трусливый...

– Может, он и не хотел резать. Случайно вышло. Мы же не знаем, что там было, он только рассказать может.

– Короче, ты с ним говорил хоть?

– Нет. Зачем тревожить раньше времени? Инфу о нём надо сначала собрать по-тихой, с кем трётся, куда ходит. Сам знаешь, в нашем деле спешка только к окончательному глухарю ведёт. Терпеть не могу, когда начальство истерит, чтобы то, что совершенно сегодня, раскрыли уже вчера, а надо бы, как в анекдоте том про быка с телком и стадо коров...

– Короче, не продолжай, ты этот анекдот сто раз рассказывал, – не захотел Киреев слушать дальше.

– Ну, ладно, не буду, – послушался оперативник и заявил. – А этого кренделя я, кстати, ещё на прослушку хочу воткнуть.

– Короче, нашёл дурака, чтобы он по телефону трындел, если замочил, – усмехнулся Вячеслав Николаевич. – Они сейчас умные, им в кино все наши методы показали.

– Так что? – спросил Борис, стараясь скрыть волнение. – Не подпишешь у начальства?

– Короче, сам подпишешь. Вечером, на докладе. Я после суток, потому ты сегодня за старшего в отделе. И не умничай там, анекдотов не рассказывай, а сиди, слушай, что начальник управления говорит.

– Ладно, – самодовольно согласился Буке и поспешил выйти из кабинета руководителя, но Киреев его остановил.

– Борис, а ты Рассказова из Комсомольского отдела знаешь?

Оперуполномоченный задумался.

– Короче, Олег Рассказов. Старлей, опер, – попробовал помочь Киреев.

– Нет, – уверенно мотнул головой Борис. – Там молодых понабрали, стариков раз – два, и обчёлся. Эдик – истерик у них начальником, знаю. Михалыча ещё знаю, он у них старшим по тяжким. А другие мне без надобности.

– А ты Михалычу не предлагал к нам?

– Предлагал. Отнекивается, колхозником себя называет, мол, ему на земле проще. Ты, Николаич, если хочешь, так я спрошу у Михалыча за этого опера...

– Короче, не надо, сам узнаю. Иди. Нет, стой. Как отнесёшься к тому, что старшим опером тебя назначим?

– Можно, – не стал лукавить Борис. – Но ты врию без освобождения от должности старшего.

– Короче, у нас ещё одна свободная строчка старшего опера. Плохо, что не владеешь информацией о родном тебе подразделении.

– А-ай, сдались мне эти строчки, – солгал Буке, чувствуя, что начальник это видит. – Я пошёл, Николаич?

Киреев кивнул и, оставшись один, подошёл к окну. Открыв его настежь, он чуть не наполовину высунулся на улицу. Лето. Весь прошлый день и всю ночь лил дождь, но теперь слепило солнце, и от испарений влаги на нагревшемся асфальте, дышать было трудно. Отоспаться бы да в ночной клуб, познакомиться с новой волнительной девушкой, угостить, закрутить недолгий роман, на речку пару раз сходить, позагорать, а потом снова в клуб за новыми впечатлениями, обжигающими чем-то очень похожим на любовь, но даже и рядом с этим чувством не стоящими. Хотя, кто знает, какая она на самом деле, любовь? На что похожа? К новым узам брака Киреев не был готов. Мужем он был уже дважды, и ему хватило. Однако клубы до тех пор, пока не укомплектует вверенное ему подразделение, отменялись. Вышестоящее начальство так и говорило: «Не можешь организовать работу, найти людей, которые пахать будут, вкалывай сам. Ты в большей степени старший опер, а начальник отдела в меньшей».

Киреев закрыл окно, подошёл к сейфу, открыл его, достал оттуда старое, недавно вернувшееся из Министерства оперативное дело по факту обнаружения двух сожжённых трупов в машине за деревней Журавкой. Он сел за стол, открыл дело. Полистал и закрыл. Никакие мысли в спящую голову не лезли. Киреев взглянул на часы над входом, показывавшие обеденное время, встал из-за стола, убрал дело обратно в сейф и, опечатав его, вышел из кабинета. Домой. Спать.

Опять заплакал дождь, и подолгу простаивая в безумно надоевших своей неотвратимостью пробках, Вячеслав Николаевич внимательно глядел на огромные капли на лобовом стекле и не переставал думать о Рассказове. Старого знакомого он не узнавал. Встречи с ним не ожи-

дал, но за прошедшие годы вспоминал о нём не раз, и только хорошо, а иногда, сам удивляясь неуместным мыслям, представлял, как они встретятся. И потому ещё больше, чем сама встреча, неожиданным оказалось для Вячеслава Николаевича то, что прошлой ночью он встретил отнюдь не своего наставника. Всегда уравновешенного, уверенного в каждом слове и действии, любящего поболтать о том, о сём, побалагурить и справедливого до мозга костей. Киреев чувствовал, что между ним и Олегом осталось что-то недосказанное, и тяготился этим. Вячеслав Николаевич понимал, в произошедшем много лет назад, его вины нет, и, всё же, чувствовал себя виноватым. Хотя бы в том, что промолчал, когда ему сказали, молчать. И даже не сказали прямо, а так, намекнули, что неразумному стажёру лезть во взрослые разборки не надо. Не зная, как поступить правильно, Киреев предпочёл слушаться командиров. Так в армии учили, в Кремлёвском полку. Всё по уставу, над чем, кстати, подшучивал Рассказов, но Киреев, всё равно, безмерно его уважал. И по этой причине Вячеслав Николаевич прошлой ночью, неожиданно увидев Олега, обрадовался. Он выжидал момент, когда можно будет отозвать Рассказова в сторону и, наконец, объясниться с ним, и сделал это сразу, как только стало возможным, но результат беседы лишь добавил вопросов. Вчера ночью он увидел не того Рассказова, которого знал, а невростенника, в отчаявшемся взоре которого сидел раздавленный своей же непогрешимостью человек. Вячеслав Николаевич понял, Рассказов сбежал не только из родного городка, он изо всех пытался убежать от себя, но не мог, и винил в этом весь окружающий Мир, и его, своего бывшего стажёра, если не в первую очередь, то и не в последнюю. И когда Рассказов убеждал, будто бы всё забыл и сумел начать новую жизнь, без прошлого, он врал. Прежде всего, себе самому. Потому и отказался разговаривать, криком воспринимая каждое слово.

Познакомились они совершенно случайно. Вернувшийся со срочной службы Киреев долго не знал, чем занять себя на гражданке и дни да ночи напролёт кутил с друзьями. Устроиться на работу пробовал, то автослесарем, то отделочником в строительные бригады, и даже почтальоном. В общем, был мастером на все руки, однако к рукам желательно было иметь и голову, а с ней, судя по всему, у Славки имелись проблемы, и довольно серьёзные, о чём после увольнения с четвертой за год работы, ему в сердцах высказали родители. Славка обиделся и переехал жить к товарищу, с которым познакомились на призывном пункте, когда их увозили служить Родине по разным воинским частям, а после дембеля они нежданно встретились. Новый друг нотаций не читал и наливал, наливал, наливал. Откуда у него водились деньги, Киреев так и не понял, но особого интереса к этому не проявлял. Окружающие давно окрестили их, родившихся на исходе восьмидесятых, потерянными поколением. Кто их потерял и почему, оставалось для начинающих жить парней, неясным, а потому вскоре тоже стало неинтересным, и они не обращали внимания на слова бабок да теток, что с утра и до вечера сиживали на лавочке у подъезда да судачили об охальниках. Киреев и его дружки просто прожигали жизнь. Много пива, много девочек, согласных на всё, и редкие случайные заработки. То в ближайшем магазине загрузить, разгрузить чего, то соседям подсобить, вещи перевезти на дачу да обратно, а то ещё какая шабашка. Несколько раз ходили на разборки со шпаной, старательно подражавшей бандитским группировкам из забытых уже девяностых. Драк не было, так тычки в плечи да грудь: «Ты че?! А ты че?! Да, ты оборзел?! Ты понял?! А ты понял?!» Брели друг друга на испуг, по принципу, кто кого перекричит, однако заказчики, мелкие коммерсы, до которых большим дядям из мэрии и милиции не было никакого дела, потому что взять с них было нечего, хоть и скупо, а платили. Иногда Славке Кирееву мечталось о настоящем, мужском деле. Но незаметно наступал вечер, похожий на сотни предыдущих, и мечты тонули в стакане, до краёв наполненном прохладным пивком. Киреев снова и снова пробовал устроиться на постоянную работу, и нигде не задерживался. Любое дело, за которое молодой парень увлечённо хватался, уже через неделю нашёптывало: «Я не твоё», а ещё через пару недель безжалостно сверлило душу толстенным буром.

Как-то под утро, возвращаясь к товарищу от очередной пассивной, которую пошёл провожать с общей вечеринки да залежался у неё в гостях, Киреев заблудился и, пока искал дорогу, увидел человека, вылезавшего из окна на первом этаже обычной панельки. Тот, прежде чем прыгнуть, сбросил вниз полную сумку. Славка присмотрелся и понял, что перед ним вор. Настоящий. Оценив ситуацию, Киреев, не ожидая от себя подобного, пьяно заверещал во всё горло и кинулся наперерез.

– Короче, милиция! Стоять! Лежать! Стоять! Милиция!

Вор остановился в нерешительности, осмотрелся по сторонам и прошептал:

– Тихо ты, Слав. Че буробишь? Какая милиция?

– Короче, оперативная! – понять, откуда вор его знает, Киреев не мог и не пробовал, продолжая кричать, да так, чтобы пострашнее. – Опера мы! Упал! Быром упал! Ну...

Что было дальше, Славка помнил смутно. Его ударили. Странно, вор стоял перед ним, а шибанули по шее. Он резко развернулся и увидел перед собой тёмную фигуру, которая ударила его ещё раз. В лицо.

– Хера зыришь? Вали его. Никакой он не мусор. Дебил обожратый.

– Как валить? Это ж Славка, кореш наш, вчера бухали...

Через миг Киреев, переставший что-либо понимать, лежал на асфальте и видел только подошвы. Его пинали, но больно не было, и он даже ухитрился схватить одну ногу, потянуть на себя. Противник шлёпнулся, и они стали мутызгать друг друга, куда придётся. Боль пронзила только, когда спина, как показалось Славке, переломилась пополам. Встать не получилось, и, почувствовав холод, он вспомнил, что на дворе уже стояла середина октября.

Воры убежали, и оттого было паршиво, но в следующий миг Киреев ощутил, как его трогают за плечо и услышал:

– Живой?

– Короче, живой, – с трудом выговорил Славка, чувствуя во рту солоноватый привкус и безуспешно пробуя повернуть голову к говорившему с ним.

– Ты, правда, из милиции? Я не знаю тебя. Из какого подразделения?

Ему помогли подняться, посветили фонарем в лицо, и, увидев мента, он даже не удивился. В форме. В шапке. Рядом ещё одного. Не обращая внимания на боль, Киреев повернул голову и увидел третьего милиционера. С укороченным калашом наизготовку, он застыл перед сидевшими на корточках двумя парнями. Неподальёку стояли две большие сумки.

– Вы кто? – повторил вопрос милиционер, светивший в лицо.

– Короче, а вы? – спросил Киреев, морщась от света и от боли во всём теле готовый рассыпаться на мелкие кусочки.

– Старший сержант милиции Рассказов, – представился милиционер. – Вневедомственная охрана. В квартире сигнализация сработала, оказалось, кража, воров сразу задержали. А вы что здесь делаете? Вы кто?

– Короче, Киреев Вячеслав Николаич, воров ловлю, но делать это должны вы.

Славка улыбнулся, и менты тоже, а тот, что держал под прицелом задержанных преступников, самодовольно крикнул:

– А нам некогда, мы спасаем жизни энтузиастов, которые лезут, куда их не просят.

– Короче, как это, куда не просят? А гражданский долг? – попробовал возмутиться Киреев, но не получилось, и он сел на асфальт пятой точкой.

– Не мы бы, так они тебя тут наглухо загасили, и опознавай потом по моргам, кем ты был при жизни...

– Вам плохо? – спросил тот, что представился старшим сержантом. – Скорую?

– Короче, не..., – прошептал Киреев из последних сил и потерял сознание.

Когда он очнулся в больнице, медсёстры жаловались, что милиционеры замучили. Ходят и ходят к нему, а он всё не приходит в себя и не приходит. Оказалось, что допросить, как сви-

детеля, приходили один раз, а во всех остальных случаях навещал тот мент – старший сержант. Звали его Олегом. Приходил он через день и каждый раз рассказывал забавные истории из своей службы, каких преступников и как он со своими товарищами ловил. И когда милиционер назвал имена да фамилии тех воров, что избili Славку, больной постеснялся говорить, что это были его хорошие знакомые, с которыми он ни один литр пива выдул. Кирееву стало стыдно, и в один из дней, измученный нехорошими мыслями о том, кто на этой Земле и зачем, он, робко спросил у навесивших его родителей:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.